
ОБЗОРЪ МАТЕРІАЛОВЪ ДЛЯ ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНО-РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ.

I. О палеографіи и палеографическихъ работахъ вообще.

Всякій остатокъ старины и древности носить на себѣ признаки своего времени. До умѣнья отличать эти признаки можно дойти и простымъ, безотчетнымъ навыкомъ; но и тутъ, какъ во всемъ безотчетномъ, нечаянная ошибка такъ же легка, какъ и случайная удача. Сама любовь къ дѣлу, не говоря о другихъ поводахъ, должна привести къ сознанию необходимости подробнаго, отчетливаго разбора признаковъ, необходимости особой отрасли науки древностей, критически опредѣляющей значеніе каждаго признака отдѣльно и въ связи съ другими.

И эта отрасль науки древностей дѣйствительно существуетъ, даже раздѣленная уже на нѣсколько особенныхъ частей, не всякому археологу равно знакомыхъ, различающихся научными приемами.

Одна изъ нихъ, одна изъ самыхъ важныхъ частей по значенію, есть такъ-называемая палеографія.

Въ общемъ смыслѣ подъ именемъ палеографіи понимаютъ знаніе происхожденія, видоизмѣненій и распространенія письменъ; въ смыслѣ частномъ она есть знаніе поврежденныхъ видоизмѣненій письменъ какой-нибудь азбуки и ихъ употребленія съ опредѣленіемъ признаковъ, по которымъ можно распредѣлять памятники письменности въ поврежденномъ порядкѣ, назначая каждому, не носящему на себѣ ясныхъ указаній о времени, его дѣйствительное мѣсто по степени древности, его вѣку.

На какихъ прочныхъ основаніяхъ палеографія можетъ дѣлать свои соображенія и выводы, ясно изъ того, что въ памятникахъ, подлежащихъ ей разсмотрѣнію, нерѣдко встрѣчаются замѣтки о времени.

из котораго они относятся, упоминаемая лишь и событій или же имени упоминанія года. Такъ, на примѣръ, при такъ-называемомъ Остромировомъ Евангеліи есть записъ, упоминающая о Новгородскомъ посадникѣ Остромирѣ, о великомъ князѣ Изяславѣ Киевскомъ, и вмѣстѣ ясно указывающая на годъ написанія книги 6564—6565 (1056—1057). Такъ, записъ князя Глѣба на Тмутороканскомъ камнѣ указываетъ, что онъ перѣплы море черезъ Таврической Керченской проливъ отъ Тмутороканки до Корчева (Корчи) въ 6576 году индикта 6-го (1068) г.: по лѣтописнымъ запискамъ знаемъ, что Глѣбъ былъ призванъ въ Тмуторокань въ 1065 или 1066 году, а въ 1069 г. является въ Новгородѣ.

Такіе памятники опредѣленнаго времени составляютъ главный источникъ, изъ котораго палеографъ почерпаетъ свѣдѣнія, для него нужныя. По нимъ онъ дѣлаетъ свои выводы. Очевидно, что ошибки палеографу тѣмъ менѣе возможны, чѣмъ болѣе толкъ памятниковъ будетъ у него на лицо, и чѣмъ внимательнѣе будетъ онъ ихъ наблюдать.

Палеографъ не исполнитъ однако своихъ обязанностей, если сосредоточитъ свое вниманіе исключительно на однихъ письменахъ. Не менѣе важно для него и правописаніе, которое такъ же подвержено измѣненіямъ во времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ. Измѣняется употребленіе буквъ и другихъ знаковъ, появляются знаки произношенія, и т. д. Такъ, на примѣръ, прежде чѣмъ стали употреблять ф (какъ изъ ѿ и ѿ), употребляли шт; букву ѣ стали употреблять только въ концѣ XIV вѣка; занятія отдѣльно отъ троичья вошли въ общій въ XV вѣкѣ, и т. д. Съ другой стороны, палеографъ долженъ обращать вниманіе, на чемъ и какъ начертаны письмена. Такъ, у насъ въ древности книги и грамоты писались прежде на кожѣ (пергаментѣ), а потомъ на бумагѣ, съ разными знаками, измѣнявшимися по времени; въ записи и написи на вещахъ были не только писанныя на кожѣ, бумагѣ, позолотѣ и т. д., но и *рисованныя* красками и золотомъ на стѣнахъ храмовъ, иконахъ и на утвари церковной, *резныя* на деревѣ, кости, камнѣ, металлѣ — на крестахъ, образахъ, чашахъ, блюдахъ, надгробныхъ и другихъ доскахъ, шлемкахъ и т. п.; *писанныя* на восковыхъ, свѣцныхъ и т. п. печатахъ; *чеканныя* на монетахъ, *выбитыя*; *литоыя* на мѣдныхъ, серебряныхъ, золотыхъ образахъ, на эмалькахъ; *мозаичныя* на стѣнахъ храмовъ; *фимбуляныя* на обрешкахъ, окладахъ; *шнурныя* шнуромъ, серебромъ, золотомъ и *нитяныя* нитками на одеждѣ, ковровыхъ; Палеографъ долженъ присматри-

ваться къ принадлежностямъ и украшеніямъ разсматриваемыхъ предметовъ, къ переплету и заставкамъ книгъ, къ складкамъ трапезъ, къ формамъ крестовъ и т. п.

Только словами описывать свои наблюденія палеографъ, очевидно, не можетъ. Онъ долженъ перерисовывать не только письма, но по рѣдко цѣлые предметы съ письменными начертаніями. Въ случаѣ необходимости, онъ можетъ перерисовывать и отъ руки, глазомеромъ; но вполне достовѣрные рисунки суть снимкомъ — или на прозрачную бумагу, на бумагу намоченную или же снимки гуттаперчевые, гипсовые, гальванопластическіе и т. п., или наконецъ, фотографическіе.

Памятники древности представляются часто въ испорченномъ видѣ. Тогда палеографъ долженъ ихъ воспроизводить на своихъ снимкахъ, сколько возможно вѣрнѣе, не соединяя съ тѣмъ, что осталось, своихъ предположеній, которымъ мѣсто не въ снимкѣ, а въ изслѣдованіи. Тѣмъ не менѣе не нужна ему грязь, покрывающая памятники: ее слѣдуетъ смывать, гдѣ только возможно, безъ поврежденія памятника, чтобы имѣть передъ собою памятникъ въ болѣе ясномъ видѣ — тѣмъ болѣе, что за грязью скрывается иногда и очень важное. Нужно также, разумѣется съ полною осторожностью, *возстановлять* утраченныя черты, на примѣръ, на рукописяхъ, писанныхъ желѣзистымъ черниломъ, буквы и знаки, запропавшіе за грязью или отъ того, что верхній слой чернила стерся или выѣтрился. Такое возстановленіе иногда можетъ быть очень важно; можетъ вскрыться и запись о времени написанія памятника. Такъ, мнѣ удалось возстановить запись въ книгѣ Евангельскихъ чтеній, изъ которой оказалось, что эта книга Юрьева монастыря написана при игуменѣ Киріакѣ, который, какъ показано въ летописи, правилъ Юрьевымъ монастыремъ въ 1119—1128 годахъ. Не могу при этомъ не припомнить о счастливомъ вскрытіи записи на такъ-называемомъ Добрыловскомъ Евангеліи 1164, оцѣнникомъ Восточнымъ слѣдкомъ за 40 лѣтъ передъ симъ (въ Румянцевскомъ музеѣ: въ 4-ю 270 листовъ, русскаго правописанія). Возстановленіе бываетъ иногда еще важнѣе на такъ-называемыхъ *палимпсестахъ* (палимпсестосъ = *παλιψητος* — отъ *παλιν* и *ψαω*, подслепленный). Подъ вновь писаннымъ можетъ скрываться памятникъ гораздо болѣе древній и замѣчательный, и дѣйствительно такъ найдены были нѣкоторые очень важныя произведенія древности. (Посредствомъ возстановленія палимпсестовъ Анджелло Майо открылъ значительную часть сочиненія Цицерона «de republica», части его рѣчей, отрывки Платона, а Нибуръ — институты Гаія; такъ открыты готскія пере-

ведь частей библіи и пр.). Понятно, что при помощи восстановления памятникъ можетъ совершенно измѣнить свой видъ и свое значеніе. На снимкѣ хорошо бываетъ сохранять и прежній видъ, и новый восстановленный. Восстановленіе должно дѣлаться съ полною осторожностью, чтобы не утратилось и то, что было. Такъ несчастно восстановлена была записка, которою начиналась книга Курмчал 1280-хъ годовъ, и теперь, кромѣ начала, совершенно исчезла за несмысливаемою гравюрою, наложенною восстановителемъ.

Само собою разумѣется, что во многихъ случаяхъ придется палеографу имѣть въ виду только правописаніе и языкъ памятника: тогда можно и списывать отъ руки, не передавая рисунка буквъ. Въ такихъ случаяхъ, онъ долженъ устремить свою внимательность на вѣрность списыванія: списывать буква въ букву, знакъ въ знакъ, строка въ строку, страница въ страницу.

Только при помощи хорошо выбраннаго матеріала можно дѣлать удовлетворительные палеографическіе разборы памятниковъ, каковы, на примѣръ, разборъ Фрейзингенскихъ отрывковъ, приготовленный Востоковымъ въ Собраніи Славянскихъ памятниковъ (1826). Только такими внимательными разборами можно пользоваться для сводныхъ палеографическихъ изслѣдованій и выводовъ.

Прямые палеографическіе выводы касаются, какъ видно изъ прежде сказаннаго: 1) постепеннаго измѣненія начертанія письменъ, каждое отдѣльно и въ ихъ взаимной связи, а равно и разныхъ принадлежностей написанія; 2) постепеннаго измѣненія правописанія. Непрямые палеографическіе выводы могутъ быть лингвистическіе, археологическіе, историческіе, литературные и т. п.

Тѣ и другіе приводятъ къ правиламъ отличенія памятниковъ разныхъ времени, не опредѣленнаго ничѣмъ на нихъ ясно, и къ открытіямъ новыхъ памятниковъ. Тѣ и другіе бываютъ нужны и для изобличенія недоразумѣній и обмановъ. Поразительно бывають ошибки глѣхъ, которые, по незнанію или по пристрастію, читають и толкують не такъ, какъ должно читать и толковать. Вспомнимъ хоть про чтеніе на монетахъ Русскихъ, слова *Нурь* вмѣсто *Государь*. Еще сильнѣе бывають обманы, *поддѣлки*. Особенно часто бывали и бывають поддѣлки монетъ, съ цѣлью продать ихъ за дорогую дѣну; но бывали и поддѣлки грамотъ, какъ на примѣръ, грамотъ Льва Галицкаго, и рукописей, какъ на примѣръ, списковъ „Слова о полку Игоревѣ“.

II. Русскія палеографическія работы до XIX вѣка и въ первой четверти XIX вѣка.

Древняя у насъ любовь къ древностямъ — особенно та, которая соединялась съ христіанскимъ благочестіемъ; но до тѣхъ поръ, пока не были заявлены и монаты требованія европейской науки, эта любовь ограничивалась только береженіемъ древностей и легко могла впадать въ ошибки въ приговорахъ о древности берегаемаго. Не только во время Петра Великаго, но и во время Екатерины II и даже послѣ, эта любовь шла отдѣльно отъ науки, между тѣмъ какъ на западѣ Европы, не только во время Екатерины II, но и во время Петра Великаго наука древностей имѣла своихъ труженниковъ и цѣнителей, и по палеографіи сдѣланы были значительные труды — именно въ примѣненіи къ изученію греко-римской древности и среднихъ вѣковъ. Въ числѣ главныхъ явленій слѣдуетъ отмѣтить: труды *искутовъ Боландистовъ* (Антверпенскихъ), начавшихъ съ 1643 г. издавать *Acta sanctorum* съ учеными объясненіями, между прочимъ и палеографическими (на примѣръ, Панаброха); труды *Бенедиктинцевъ*, изъ которыхъ особенно памятенъ *Монфокома* (Bernard de Montfaucon): *Palaeographia graeca sive de ortu et progressu litterarum graecarum* (1708 in folio), *L'Antiquité expliquée* (1719—1724, 15 тт. f°), *Les monuments de la monarchie française* (1729—33, 5 т. f°, описанія и задания многихъ рукописей; *Бандури* (A. Banduri): *Imperium orientale* (1721 г. 2 т. f°) и *Numismata imperatorum Romanorum* (1718, 277 f°); *Тустена* и *Тассена*: *Nouveau traité de diplomatique* (1750—1765, 6 т. въ 4-у); труды разныхъ изслѣдователей христіанства и Византии, между которыми особенно важное мѣсто занимаетъ *Дюканжъ* (Ch. Dufresne du Cange). Къ половинѣ XVIII вѣка ни одна часть палеографическаго изученія древностей древней и новой Европы не осталась забытою — ни книги, ни свитки, ни грамоты, ни монеты, медали и печати, ни надписи на камняхъ и другихъ предметахъ, ни что-либо подобное. Все это подробно было описываемо, и представляемо въ рисункахъ. Изданія съ рисунками были въ ходу: средства для нихъ отыскивались и въ капиталахъ монашескихъ орденовъ, и у сильныхъ міра, и потому издано было очень много палеографическаго матеріала, въ снимкахъ, нерѣдко довольно вѣрныхъ, хотя и сдѣланныхъ отъ руки. Въстѣ съ тѣмъ, хотя въ небольшомъ кругѣ записныхъ археологовъ, поняты были требованія палеографическихъ наблюденій и изслѣдованій.

Не надобно, конечно, глядѣть преувеличенно на труды XVII—XVIII вѣковъ на западѣ, находя въ нихъ только совершенство: очень много, по крайней мѣрѣ въ палеографическомъ отношеніи, теперь или совершенно не годится, или употребляется не нуждѣ, за неимѣніемъ лучшаго; тѣмъ не менѣе нельзя и не удивляться громадности предпринятыхъ и исполненныхъ трудовъ, и иногда учености. Намъ, Русскимъ, оставалось только учиться такъ дѣлать, какъ дѣлалось, по-прежнему. И на это, однако, надобно было приготовить хорошихъ специалистовъ образованіемъ, а его у насъ ни у кого не было. Можно было ожидать всего болѣе отъ Академіи Наукъ, которой явнее, больше чѣмъ кто другой, могли стоять въ уровнѣ съ научными стремленіями и требованіями западныхъ ученыхъ; но и Академія оставалась мало дѣятельною и въ отношеніи къ древностямъ Русскимъ и Славянскимъ, и въ отношеніи къ распространенію археологическихъ и палеографическихъ знаній.

Во ризницахъ монастырей и дѣрзвѣй, въ типографской библиотекѣ, въ кунсткамерѣ Академіи, въ дворцахъ государей, и въ собраніяхъ нѣкоторыхъ частныхъ людей, у насъ и прежде сохранялись древности: иконы, оладья, кресты, книги, сосуды, разныя вещи, но не для научныхъ нуждъ. Памятники древней и старинной письменности были издаваемы (на примѣръ лѣтописи синодальныя и академіи, грамоты и другіе памятники Новиковымъ и пр.), но такъ, что строгій наблюдатель не могъ этимъ изданіямъ довѣрять. О научныхъ описаніяхъ еще и не думали.

Какъ одно изъ старѣйшихъ исключеній изъ общаго порядка, можно указать на изданіе Русской лѣтописи по Никонову списку, которой первая часть вышла подъ смотрѣніемъ Академіи Наукъ въ 1767 году, съ предисловіемъ одного изъ издателей, академика А. Шлецера. Въ этомъ предисловіи, между прочимъ, описана рукопись, съ которой изданіе печаталось, и указаны правила изданія.

Основныя правиломъ повелѣно:

„Нечетный списокъ долженъ быть совершенно сходенъ съ рукописнымъ, такъ чтобы тотъ, кто будетъ имѣть печатный, въ разсужденіи всякаго слова и всякой литеры могъ бы на него полагаться, съ тавомъ же смѣлостью, какъ если бы онъ имѣлъ у себя и рукописный“.

Въ добавокъ въ исполненію этого правила, можно было бы ожидать ссылки съ рукописи, которую считали, какъ видно изъ правила, очень важною; но этого не сдѣлано, хотя средства Академіи легко часть схххш.

могли это позволить. Другой вопрос — можно ли было считать рукопись, съ которой печатали, такою ценною; не слѣдовало ли разувать о другихъ спискахъ той же лѣтописи, не слѣдовало ли, разсматривая ихъ, сравнительно описать каждую и представлять читателямъ не списокъ съ одной, а самую лѣтопись съ обозначеніемъ вариантовъ разныхъ списковъ, чему образцовъ изъ западѣ Европы было уже не мало. Сдѣлать такъ было возможно, потому что списки лѣтописей были уже собраны, и совершенно умѣстно, потому что Нивеновская лѣтопись, какъ сводъ поздній, не была важна какъ самостоятельная древняя лѣтопись, какъ памятникъ тѣхъ вѣговъ, о которыхъ повѣствуетъ.

Въ примѣръ слабости палеографическихъ требованій можно вспомнить еще о тѣхъ спискахъ съ написи изъ Тмутороканскаго каменѣ, найденномъ въ 1792 году, которые издали Палласомъ, Вакселемъ и Мусинымъ-Пушкинымъ: довольно сказать, что они взаимно не сходны. Нельзя не замѣтить, что эти нечѣрные рисунки написи не мѣшали ходу споровъ, возбужденныхъ этимъ вопросомъ.

Упомянувъ о Мусинѣ-Пушкинѣ, считаю долгомъ вспомнить о трудахъ этого замѣчательнаго сподвижника въ разработкѣ Русскихъ древностей.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II и въ первые годы царствованія Александра I, однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ кругу сподвижниковъ разработки Русской древности и старинки былъ Алексѣй Ивановичъ *Мусинъ-Пушкинъ*, съ 1797 г. графъ. Принадлежа съ молодости къ числу защитниковъ всего Русскаго, соединяя съ любовью во всему родному уваженіе къ наминившимъ прежней народной жизни, съ 1791 года онъ сталъ собирать эти памятники частью для императрицы, какъ матеріалъ для ея работъ по Русской исторіи, частью для себя. Тому и другому помогало его званіе: его связи и назначеніе его въ 1791 году оберъ-прокуроромъ синода и исполнителемъ воли государыни о собираніи по епархіямъ и монастырямъ лѣтописей и другихъ книгъ историческаго содержанія. Начало собранію положено покупкою бумагъ Крекшнина и подарками графа Г. И. Головкина и другихъ лицъ. Между присылками изъ разныхъ мѣстъ особенно важна была присылка изъ Кіева двухъ древнихъ монетъ: Ярославля сребра и серебра Володимирова. Это несомнѣнное открытіе такъ ускорило охоту Мусина-Пушкина къ собиранію древностей, что онъ во многихъ городахъ завелъ коммиссіонеровъ, давъ имъ право за книги платить щедро, а за старинными доку-

ни и приносили къ своему древицу нѣтъ нѣкогда въносъ. Не менѣе замѣтательна была открытіе собранія юридическаго XIII—XIV вѣковъ съ Русскою Правдою и докторатомъ Смоленска: съ Ригей 1229 г., Лаврентьевскаго епископа древней лѣтописи, гдѣ найдено поученіе Владимира Мономаха, собранія XIV вѣка; въ которомъ найдено Слово о полку Игоревѣ, древняго рубля, золотой гривны, и пр., и пр. Въ числѣ владѣнцевъ въ собраніе Мушинъ-Пушкина вошла и Екатерина; заду его не только древними историческими книгами и бумагами, но и черновыми своей руки, шестидесяти — для его собранія автографовъ. Какъ счастлива была Мушинъ-Пушкинъ въ своемъ предпріятіи видно изъ отставовъ объ этомъ Волгина въ Критическомъ примѣчаніи къ исторіи князя Щербатова, гдѣ онъ, говоря о значительности его собранія, называетъ его крайнимъ любителемъ древностей науки, не жалѣющимъ на нихъ ни труда, ни денегъ, и приписывая изреченію: „на лопатъ и зѣбрь бѣжить“. Собраніе это до 1799 года было въ Петербургѣ, а послѣ, когда Мушинъ-Пушкинъ вынужденъ въ отставку и переехалъ въ Москву, переехало въ его Московскій домъ, и было постоянно доступно всѣмъ занимающимся древностями. Подъ конецъ своей жизни Мушинъ-Пушкинъ хотѣлъ отдать свое драгоценное собраніе въ архивъ вѣдственной комиссіи, но не успѣлъ, — и оно погнбло въ пожарѣ 1812 года вмѣстѣ со всѣмъ домомъ. Сохранялась только то количество, что было въ деревнѣ графа, у Карамзина, у Бестужева и у другихъ лицъ. Мушинъ-Пушкинъ былъ не только собирателемъ, но и издательскъ и редакторскъ памятниковъ; но въ этомъ дѣлѣ онъ былъ несравненно менѣе счастливъ; онъ издалъ Русскую Правду (1792, 1799, 1808), Поученіе Владимира Мономаха надъ княземъ Дуловою (1798), Исслѣдованіе о мѣстоименіи Татуровскаго камня (1794), Слово о полку Игоревѣ (1800). Ни въ одно изъ этихъ изданій не соблюденъ требованій исправности въ отношеніи къ переводу извода, съ котораго печаталось, хотя и было въ виду ихъ достиженіе. Тѣмъ не менѣе заслуги Мушинъ-Пушкина очень значительны: онъ возбуждалъ уваженіе въ остаткамъ древности и ниспосылъ на научныя работы не малъ друзей дѣятелей.

Тотъ же Татуровскій камень, который далъ Русской литературѣ съ неудачными: снѣжками дѣльный рядъ статей неудачнаго спора о вѣдственности науки, далъ поводъ и первому свѣдѣнному нѣту изданію въ палеографіи. За дѣло нѣмца А. Н. Оленина (сдѣлавшагося послѣ: богѣ извѣстнаго какъ президентъ Академіи Художествъ и какъ директоръ Императорской публичной бібліотеки). Они доставля

съ мѣста слѣпокъ съ того бока камня, гдѣ изваяна надпись, поручилъ срисовку со слѣпка образованному художнику-археологу А. И. Ермолаеву, и напечатать этотъ рисунокъ съ полною художественною тщательностью при письмѣ къ графу Мусину-Пушкину въ 1806 г. („Письмо къ графу А. И. Мусину-Пушкину о камнѣ Тматороанскомъ, найденномъ на островѣ Тамань въ 1792 г. Въ градѣ Св. Петра“ . 4-а). Въ числѣ палеографическихъ приложенийъ къ этой замѣчательной книгѣ есть и вѣрный извѣстный рисунокъ монеты „Иеро-славаго серебро“ изъ собранія Мусина-Пушкина и цѣлый листъ символовъ съ рукописей XI—XV вѣковъ, достоянникъ почти вполне и нашего времени (между прочимъ, съ Святославова сборника 1076 года и съ Лаврентьевской лѣтописи 1377 года), а также буквально точныя выписки изъ этой Лаврентьевской лѣтописи и изъ Бонниберстлей. Всѣ выписки на видѣ памяткики разобраны съ палеографическою внимательностью. Содержаніе написи на камнѣ заставило Оленина обратиться и къ другимъ памятникамъ болѣе или менѣе древнимъ за фактами не только чисто палеографическими, но и лингвистическими, историческими, географическими. Только по соображенію всѣхъ данныхъ, какія могли только быть отмѣчены въ то время, Оленинъ позволилъ себѣ окончательный выводъ: Подлинная древность Тматороанской написи записка. 1) почеркомъ буквъ, составляющихъ надпись, и во всѣхъ частяхъ слодникъ съ буквами древнѣйшихъ нашихъ рукописей, 2) видомъ поверхности самаго камня (на отлѣпкѣ), который несомнѣнно доказываетъ, „что не искусствомъ, а временемъ поверхность еяго состарѣлась“.

Таковъ былъ у насъ первый научный шагъ въ палеографіи. Трудъ Оленина о Тматороанскомъ камнѣ нельзя считать трудомъ чистымъ, важнымъ только по отношенію къ камню. Камень былъ только поводомъ въ началу общенароднаго дѣла: вопросъ главный былъ не объ одномъ камнѣ, а вообще объ изученіи Русскихъ древностей. Вотъ почему на одной изъ страницъ книги Оленина и появилось мѣсто такой замѣтки: „Доволь Русская словесность не будетъ нѣтъ: 1) полнаго „собранія или свода всѣхъ нашихъ лѣтописейъ и разныхъ другихъ „древнихъ и иностранныхъ книгъ, въ коиъ наводятся повѣствованіе „о Россіи, 2) древней Россійской географіи, основанной на изслѣдъ „историческихъ доводахъ, и наконецъ, 3) палеографіи Славяно-россійской, то до времени, пока все это неготовится, исторію Русскую „трудно писать“. Говоря это, зналъ ли Оленинъ, что сказано было А. Шлецеромъ въ его *Nestors Russische Alterth.*: еще въ 1802 году:

„Когда же придетъ время, въ которое Русскіе задумаютъ составить Славянскую диксионарную, Славянскую палеографію, будутъ учиться у Петсера и Шенника, соберутъ въ хронологическомъ порядкѣ Славянскія азбуки и выграверную азбучную таблицу для каждаго столбца особнно“ (Рус. пер. I § д.)? Едва ли Оленинъ прочиталъ это у Шенкера. До этой мысли можно было дойти безъ Шенкера, Шенника и Гатсера. Французскіе труды были Оленину и всѣмъ образованнымъ людямъ того времени болѣе знакомы и стоили предпочтенія.

Оленинъ не остановился на томъ, что сдѣлалъ въ 1800 году. Онъ собиралъ матеріалы для исторической азбуки Славянской во всякое опредѣленное время, собиралъ рисунки съ разныхъ памятниковъ, между прочимъ, и съ тѣхъ, на которыхъ сѣтъ писемныя матеріалы; нѣдго началъ печатать, къ сожалѣнію ничего не окончить; впрочемъ, и этими началами принесъ относительную пользу, раздавая отпечатанное избраннымъ любителямъ.

Палеографическія стремленія Оленина были, между прочимъ, важны и тѣмъ, что вызвали на работу другаго труженника, художника по образованію и археолога по страсти. Оленинъ не скрылъ отъ читателей, какое участіе принялъ въ его дѣлѣ *Ермолова*, не только какъ художникъ, но и какъ любитель археологическихъ изслѣдованій. Оленинъ далъ ему и ходъ въ жизни съ возможностью заниматься любимымъ дѣломъ. Плоды трудовъ Ермолова хранятся въ Императорской публичной библиотекѣ, гдѣ онъ долгое время былъ хранителемъ рукописей. Тамъ лежатъ труды археологическаго путешествія по Россіи, въ которомъ онъ участвовалъ въ 1809—1810 годахъ, зачатъ его каталога рукописей, его описанія о вѣдѣ ихъ и описанія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Еще живутъ и воспоминаемъ, какъ онъ училъ другихъ наглядно означать, въ какое время рукопись писана, и какъ онъ готовъ былъ дѣлиться съ другими своимъ знаніемъ того, что читалъ въ рукописяхъ. Близкій съ Карамзинымъ, онъ вѣ ему помогалъ въ разнообразныхъ изслѣданіяхъ, какъ видно изъ отзывовъ самаго Карамзина (въ прикѣпаніяхъ къ Ист. Гос. Россійск.).

Школа практическихъ палеографовъ, основанная Ермоловымъ и господствующая до сихъ поръ, при основаніи не могла быть богата учениками. Карамзинъ былъ въ числѣ первыхъ и очень немногихъ. Карамзинъ палеографъ! Не странно ли это? Не странно, потому что Карамзинъ, какъ изслѣдователь былыхъ судебъ Россіи, былъ тѣмъ же, что Петръ Великій, какъ строитель судебъ ея будущаго: оба должны были не забыть ничего.

Начать съ подбора и разработки матеріала, отъ чего-нибудь не быть и археологомъ, и палеографомъ, не сколько было ученыхъ, и какъ палеографъ-критикъ сдѣлалъ быкъ, чѣмъ сколько можно было ожидать. Изъ прикѣпчаній къ Исторіи Государства Россійскаго можно ожидать большую книгу занесомъ о древнихъ памятникахъ Русской письменности: ея одной было бы достаточно для умной дѣятельности и славы другого писателя — не только того, но и нашего времени.

О многихъ изъ древнихъ памятниковъ Карамзинъ сказалъ свое слово; ни объ одномъ не сказалъ слова не въ слухи и быть критики. Вспомнимъ съ тѣмъ же, что Карамзинъ когда и доселѣ едва ли не лучший образецъ критическаго изобличенія поддѣлки: это было разборъ подложныхъ грамотъ будто бы Льва Галицкаго. О многомъ въ этой долѣ прикѣпчаній Карамзина надобно справиться и теперь; можно себя представить, какое значеніе было за ними въ началѣ вѣка. Указывая на значеніе Карамзина какъ археолога-палеографа, думаемъ, что указывая съ тѣмъ же и вообще на значеніе Карамзина, какъ Русскаго дѣятеля, не только для своего времени, но и для будущаго. Карамзинъ-историкъ, это значитъ — Карамзинъ-палеографъ, нумизматъ, хронологъ, генеалогъ и т. д., и т. д., во всемъ исследователь, во всемъ критикъ, во всемъ требовательный, какъ только можно было быть требовательнымъ, болѣе чѣмъ современный, не въ тѣсномъ смыслѣ нашего Русскаго ожиданій, а въ широкомъ смыслѣ ожиданій и желаній вождей науки. Забывать эту сторону въ Карамзинѣ значитъ не понимать Карамзина. Великій писатель отъ не потому только, что писалъ прекрасно и правдиво, а и потому, что былъ высоко требователенъ въ научномъ отношеніи.

Въ 1811 году у Карамзина были готовы пять томовъ его исторіи; отрывки изъ пятаго отъ читалъ Императору Александру въ Твери еще въ мартѣ этого года. А что у насъ дѣлалось въ это время для изученія нашихъ древностей?

Московское Общество исторіи и древностей, основанное при университетѣ въ 1804 г., все еще только устраивалось; записки его и труды только-что начали печататься; докладъ графа Румянцева объ изданіи государственныхъ грамотъ и договоровъ только-что былъ Высочайше конфирмованъ (3 мая 1811 г.); ни Россійская Академія, ни Общество словесности не заботились о памятникахъ письменности, занятая теоріей и критикою языка и словесности; частныя изслѣдованія, если и являлись, то не достигали и той высоты, которой достигъ Шлецеръ (сынъ) въ своей статьѣ о двухъ Новгородскихъ гра-

никакъ (Восток. Европа 1811 г., № 23 и 24), едѣ похваляе не-
уиѣне даже правильно прочесть разбрасаныя грамоты, хотя и при-
дежаръ въ статьѣ очень порицательно сужденъ съ нихъ, одѣланное не
имъ сужденъ, а гравированъ. Гораздо важнѣе были статьи молодого
Российскаго труженника К. Ф. Калайдовскаго (едва 20-ти лѣтняго), не безъ
успѣха воевавшима въ спорѣ съ Шендеромъ (въ томъ же Вѣстникѣ)
и начавшаго усердно участвовать къ трудамъ Общества древностей.
Кромѣ этого трудился просвѣщенный Египетскій, Бантманъ-Каме-
скій, Туркенинъ, Фиттсфелъ, Ермолаевъ, Востоковъ и др., но боль-
шая часть ихъ трудовъ осталась внѣ печатнаго мѣра. Заблательнѣй-
шимъ извѣстнѣмъ труженникомъ была Иларія Россійской Герархинъ (до 1812
года весь трудъ былъ готовъ, и отпечатано три тома), трудъ важ-
ный и для палеографіи, хотя и несколько не палеографическій.

Для палеографіи всего важнѣе было отириженіе значительнаго
количества памятниковъ древности. Изъ сожалѣнія, многіе изъ нихъ
погибли въ пожарѣ Москвы. Этотъ пожаръ уничтожилъ драгоценныя
собранія графа Мусина-Пушкина, профессора Ваува, Общества дре-
вностей и нѣсколько другихъ, мнѣе обширныхъ.

Только уже послѣ отечественной войны стали выказываться все
болѣе юныя силы Русской науки. Любовь къ древности, къ собира-
нію ея останковъ и къ изслѣдованію ихъ, соединилась съ изданіемъ
въ свѣтъ произведеній труда и знанія, не потерявшими и доселѣ
своей цѣнности.

Въ 1813 году появилось начало *Собранія государственныхъ гра-
мотъ и документовъ*, хранящихся въ государственной коллегіи ино-
странныхъ дѣлъ: въ 1813—1828 годахъ вышло 4 большихъ томовъ съ
сообщеніемъ вѣроподобнаго древняго, со ссылками и указателями.

Въ 1815 г.—первая часть *Трудовъ и Записокъ Общества Исто-
ринъ и Древностей* и первая часть *Русскихъ достопамятностей*, въ
которую вошли многіе важные памятники, прекрасно приготовленные
къ издаванію, съ описаніемъ рукописей, изъ которыхъ они взяты.

Въ 1816—1848—восемь частей Исторіи Государства Россійскаго
Каразина съ ея драгоценными примѣчаніями. Въ Исторіи Государ-
ства Россійскаго много и отрывками и даже разобраны,
или по крайней мѣрѣ отмѣнены почти всѣ памятники Русскіе, какіе
можно было тогда имѣть въ виду.

Въ 1818 году появилась разборъ древнѣйшей изъ удѣльныхъ Рус-
скихъ грамотъ, Юрьевой (1130 года), сдѣланный просвѣщеннымъ
Египетомъ (*Вѣстникъ Европы* 1818, № 15—16). Явленіе очень важное

по времени; первый дипломатико-палеографическій разбор дипломатическаго акта Русскаго со снмкомъ.

Въ 1816—1819 вышли 2-й и 3-й томы перевода сочиненій *Маттеи*, Исторія Русскія лѣтописи (1-й въ 1809 г.), пер. Д. *Амурскаго*.

Въ 1820—Разсужденіе *Востокова* о Церковно-Славянскомъ языкѣ, съ первичными изслѣдованіями судебъ этого языка: и съ палеографическими замѣтками о нѣсколькихъ древнихъ памятникахъ (*Дружбы Общества Любителей Россійской Славяности* 1820. XIX ч.). Важное въковое, долженствовавшее переимѣнить взглядъ на Церковно-Славянскій языкъ и на его памятники, а вслѣдъ и на Славянскій языкъ вообще. Основа выводовъ — преимущественно палеографическаго свойства. Нѣкоторыя древніе памятники здѣсь отличены: между прочимъ, указана важность Остромирава Евангелія.

Въ 1821 — Памятники Россійской Словесности XII вѣка *К. Калайдосича* съ объясненіями, вариантами и образцами почерковъ, вообще превосходное изданіе (4^я); — Софійскій временникъ, *П. Строева* (2 тома въ 4-у) съ превосходнымъ предисловіемъ о лѣтописаніи; — Древніи грамоты, собранныя *В. Бергомъ* (4-у). Особенно важны два первыя ланкии.

Въ 1822 — Списокъ Русскихъ памятниковъ, служащими въ составленію исторіи художества и отечественной палеографіи, собранныя *П. Кенесомъ* (8-у) съ описаніями и изслѣдованіями.

Въ 1824 — Лаврентьевская лѣтопись, приготовленная къ изданію проф. *Тимковскимъ* (кромѣ заглавія, предисловія *Калайдосича* и послѣднихъ страницъ все было напечатано въ 1811 и 1812 г. *Тимковскимъ*): образцовое изданіе съ описаніемъ самой рукописи, составленнымъ *Востоковымъ*; — Изслѣдованіе *Калайдосича* объ Иванѣ, езархѣ Волгарскомъ; посвященное со многими древними памятниками, изданное со снимками; — Вѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ прот. *Гуморомича*; — Опытъ въ старинной Русской дипломатикѣ, велетед. *Лантоса* (со спискомъ).

Въ 1825 г. — Библиографическіе листы *Камска*, въ которыхъ немаловажное мѣсто заняли и описанія древнихъ памятниковъ (въ 4-у). — Описаніе Саранско-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библиотекѣ графа *Ф. А. Толстого* (со снмкомъ), составленное *К. Калайдосичемъ* и *П. Строевымъ* — первое въ своемъ родѣ; — Описаніе Кіево-Софійскаго собора митроп. *Возня*; — Изслѣдованіе *Добровскаго* о Кириллѣ и Мессидіи въ Русскомъ переводѣ *М. Колодина*, съ важными дополненіями и со снмкомъ съ Остромирава Евангелія, приготовленнымъ *Востоковымъ*.

Каждое изъ этихъ дѣлъ имѣло весьма важную связь наукой Русской древности вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ палеографіи. Карамзинъ былъ, конечно, главнымъ дѣятелемъ и умѣлъ, несмотря на то, лучше всего справиться съ трудомъ, оканчивая службу заслугу на самомъ обширномъ, по крайней мѣрѣ, знаніи; но и другіе дѣятели были достойны стоять рядомъ съ нимъ, но усердію и не приспособленности къ умному труду, и между ними *Востокцовъ* и *Калайдовича* достойны были помѣститься за службу, или какъ писатели; вмѣстѣ съ незабвеннымъ покровителемъ изученія отечественныхъ древностей, канцлеромъ *Румянцовымъ*.

Графъ Николай Петровичъ *Румянцовъ* былъ сынъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго. Служа въ юности на дипломатической части, въ 1807 г. онъ сдѣлалъ бытъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, а наперѣ послѣ того канцлеромъ. Шведскій царь 1809 года — его дядя. Славу его на дипломатическомъ поприщѣ взяли графы Нессельроде, соперничавшіи Императора Александра во Франціи въ 1814 г. и послѣ на войнѣ конгресса. По возвращеніи Государя въ Россію, Нессельроде, какъ министръ, занялъ мѣсто Румянцева, а Румянцовъ, уже 60-ти лѣтній, удаленъ совершенно отъ дѣлъ политическихъ. Но уже прежде предложилъ онъ себѣ путь другой, и на этомъ пути оставить на себѣ память на долгие онъ сдѣлался покровителемъ науки древностей:

Въ мѣя 1811 года онъ подавъ Государю докладъ о необходимости издаванія дипломатическаго собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, и о позволеніи принять изданіе на свой счетъ, считая его впрочемъ дѣломъ казеннымъ, издать, не подвергая ценсурѣ, и т. д. Государь утвердилъ этотъ докладъ 11 мая, и издаваніе началось. Оно было ведено подъ смотрѣніемъ управляющаго архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, Валентина Камеискаго (отца), отъ котораго, пригнѣ документомъ Исторіи Уніи, осталось еще много невключеній изъ дѣлъ архива, частью изданныхъ. Затѣмъ издаваніе перешло къ Малиновскому. По исполненіи этого предпріятія, Румянцовъ занялся составленіемъ бібліотеки и музея; выкалывалъ въ казенныя трудамъ Калайдовича, протирокъ Григорьевича, Востокцова и постоянно до кончины употреблалъ часть доходовъ на изданія. Все изданія съ его гербомъ (на щитѣ двуглавыи орелъ наложенъ на оборотъ, два дерева и два вѣтвира расположенныя діагонально, по сторонамъ щита два льва; на основаніи надписи: „*pep velut agmine*“) все отличалось научными достоинствами. Румянцовъ скончался 4 января 1826 года, и передъ кончиною завѣщалъ свой музей „на пользу отечества и благое просвѣщенія.“

Последствиемъ палеографическихъ трудовъ времени Александра I было следующее:

1. Определено значительное количество памятныхъ писемъ, начиная съ XI вѣка, и тогда только было окончательно, те не собраними и доведенными опредѣлено довольно вѣрно время ихъ написаній.

2. Некоторые изъ памятныхъ рассмотраны и описаны подробно.

3. Именованне памятныхъ писемъ или вѣдѣй, или часовни, иногда съ довольно впамятными соблюденіемъ правописаній, иногда и съ вѣрными списками.

4. Завтоки разгадали некоторые изъ признаковъ отлѣта даже и древнѣйшаго писанія, частью въ почеркахъ, частью въ правописаніи и въ лѣтѣхъ. Слѣдствіемъ отлѣтовъ некоторые подѣлены.

5. Счастливо отвергались были разные домысли, не опиравшіеся на строгихъ изслѣдованійхъ. Такъ, на примѣръ, отвергнуто въ Обществѣ исторіи и древностей сочиненіе Горенкина о древности Славянскаго письма, въ которое — какъ замѣтилъ Калайдовичъ — собраны извѣстїи, нѣтъ не подвѣрженныя и совершенно несогласныя съ достоверными историческими показанїями. Горенкинъ думалъ, между прочимъ, что грамота у Русскихъ была за долго до Р. Н., что Норманни привнесли въ намъ готическое письмо, что Кирилль и Мефодій не сочинили алфавита, а только исправили библіїи въ употребленіи, что Болгарскій языкъ близокъ подходитъ къ Церковно-Славянскому, что глаголическая азбука древнѣе кирилловской: все отвергнуто, какъ недоказуемое; приняты только извѣстїя о иѣткахъ или нарѣчкахъ, употребляемыхъ крестьянами (Труды и записки Общ. исторіи и древностей 2. 47—50).

Подготовка для палеографическихъ изслѣдованій была разнообразна и обильна матеріалами, но далеко не окончена. Вѣрныя палеографическіе выводы возможны все-таки только тогда, когда для всякаго времени извлечено значительное количество данныхъ изъ памятныхъ опредѣленныхъ лѣтъ. Памятныхъ этого рода на виду было не мало; но ручаться никто не могъ, что не скрывается ихъ гораздо болѣе; при томъ же отлѣченные далеко не всѣ были разслѣдованы. Продолжать разсужанїя было необходимо; необходимо было и изъ извѣстныхъ памятныхъ извлечь данныя и передать въ общее свѣдѣніе. Это было тѣмъ необходимѣе, что число лицъ, занятыхъ палеографическими разсужанїями, было очень ограниченно; знанія ихъ переходили въ другія случаи. Новіе труженники могутъ являться только тогда, когда не затруднительно первоначальное прировненїе

къ труду. Необходимы были путешествія въ археологическую цѣль; необходимы были изданія рисунковъ, снимковъ, описаній памятниковъ и т. д. Многое должно было зависеть отъ правительства: только при высокомъ образованіи значительной части народа правительство можетъ оказать науку на собственной ей почвѣ, но и въ государственныхъ этихъ родахъ правительства заботится о нуждахъ науки. У насъ это научная потребность. Историкъ Карамзинъ могъ бы остаться въ рукописи, если бы Государь не далъ денегъ на ея изданіе. Отъ правительства зависитъ даже развитіе или упадокъ оныхъ въ частныхъ людяхъ помогать научнымъ предпріятіямъ.

III. Русскимъ палеографическимъ работамъ въ царствованіе Николая I и позже до 1866 года.

19 ноября 1825 года вступилъ на престолъ Николай I. Въ первомъ же мѣсяцѣ этого царствованія выразилось, что можно ожидать отъ нашего правительства въ отношеніи къ изученію омонументальныхъ древностей. Приближаю одинъ изъ случаевъ, болѣе рѣшій. Умравленію Карамзину совѣтовали ѣхать въ Италію; онъ сталъ проситься и просилъ какого-нибудь назначенія, чтобы жалованье могло его поддерживать. Государь отвѣчалъ на его письмо (6 апр. 1826): „Прощу васъ не безпокоиться объ этомъ, и хотя мнѣ въ угожденіе дайте мнѣ, освободиться способомъ устроить вамъ поѣздку“; а 13 мая онъ прислалъ въ нему рескриптъ и при немъ указъ министру финансовъ; въ рескриптѣ выразилъ онъ ему „за покойнаго Государя, за себя самаго и за Россію признательность, которую вы заслуживаете и своею жизнью какъ гражданинъ, и своими трудами какъ писатель“; въ указѣ министру финансовъ повелѣно было, по случаю его отъѣзда за границу для излѣченія, производить Карамзину по 50,000 р. въ годъ, съ тѣмъ чтобы эта сумма обращена была въ пенсію ему, какъ его и дѣтямъ. Ожидать общей поддержки всякаго рода археологическимъ занятіямъ было невозможно; но на болѣе дѣятельное участіе правительства и въ этому дѣлу можно было рассчитывать.

Въ ряду дѣлѣній, особенно важныхъ для успѣховъ палеографіи, должны быть упомянуты слѣдующія:

Смѣтіе и изданіе рисунковъ древностей. Непосредственное участіе въ начинаніи этихъ предпріятій этого рода принялъ прежде упомянутый *Оленинъ*. Ему обшала Русская наука введеніемъ на путь дѣятельности, послѣ Брюлаева, другаго художника-археолога, угѣ-

наго дѣлать памятники, какъ достоинство художества и науки, и посвятивъ себя труду съ любовью и постоянствомъ.

Это былъ *С. Г. Солнцевъ*. Слѣдствіемъ покаянъ его по Россіи, особливо въ Москву, Новгородъ и Кіевъ, было собраніе огромнаго количества рисунковъ всякаго рода. По повелѣнію Николая I, особенною комиссіа занялась изданіемъ ихъ по возможности въ такомъ точномъ видѣ, какъ они нарисованы были: употреблена была въ дѣло литографія. Много эта комиссіа трудилась, и наконецъ, выдала шесть огромныхъ томовъ, 500 рисунковъ, и то еще не все, что собралъ Солнцевъ, подъ названіемъ *Древностей государства Российскаго* (1849—1853) — изданіе, драгоценное для палеографа даже и потому, что въ немъ есть рисунки: *огражденности, ясныя погребенныя*.

Другое предпріятіе, столь же важное по послѣдствіямъ, было снаряженіе Академіею Наукъ *археологической экспедиціи* для путешествія по Россіи съ цѣлью привести въ извѣстность всѣ старинныя библіотеки и архивы и извлечь изъ нихъ важнѣйшіе памятники отечественной исторіи, дипломатикѣ, правовѣдѣнія и т. п. Начальникомъ экспедиціи назначенъ былъ *Н. Н. Строевъ*, уже въ 1823 году подавшій мысль о подобномъ дѣлѣ, а потомъ представившій и планъ путешествія. Государь одобрилъ предпріятіе Академіи, и Строевъ отправился. Шесть лѣтъ продолжалось путешествіе: сначала Строевъ работалъ одинъ, потомъ вмѣстѣ съ *Я. И. Веретиковымъ*, любителемъ древностей, самимъ Строевымъ найденнымъ и введеннымъ на путь науки. Отысканы громады книгъ и актовъ. Послѣдствіемъ этой экспедиціи было учрежденіе, въ началѣ 1835 г., по волѣ Государя, постоянной *Археологической комиссіи* для изданія найденныхъ памятниковъ. Непосредственное участіе принималъ въ этомъ дѣлѣ *С. С. Уваровъ*, прежде какъ президентъ Академіи, потомъ и какъ министръ народнаго просвѣщенія. Изданія Археологической комиссіи извѣстны: это — Полное собраніе русскихъ лѣтописей, Акты историческіе, юридическіе и пр. Правда, что очень немногіе памятники изданы этою комиссіею палеографически: только при нѣкоторыхъ томахъ есть снимки; тѣмъ не менѣе неотрицаема заслуга комиссіи даже и для палеографовъ, хотя она ихъ вовсе не имѣла въ виду: палеографъ не можетъ не пользоваться ея изданіями съ пользою при своихъ изслѣдованіяхъ. Что комиссіа не имѣла въ виду ни палеографовъ, ни вообще филологовъ, это нельзя объяснить одною неприготовленностью бывшихъ ея членовъ къ пониманію важности и условій палеографическихъ изданій: была другая причина, болѣе важ-

на, — желание угодить большинству читателей, и предположеніе, что это большинство непривычно къ чтенію палеографическихъ изданій. Но намъ не жалко, что поминаніи забыли, каковы уваженіемъ постоинно пользовались изданія Лаврентьевской гдѣтиски Тимевицкаго, Государственнаго грамотъ и договоровъ и т. п.

Какъ бы то ни было, въ слѣдѣ за Археологическою Коммиссіею стали образовываться подобныя коммиссіи и въ другихъ мѣстахъ — въ Вильнѣ, Кіевѣ и пр. Правительство ихъ учреждало и поддерживало.

Отправленіе въ путешествіе Русскихъ ученыхъ въ западно-Славянскія земли, и въ слѣдствіе сихъ путешествій открытіе каждаго Славянской филологіи въ университетахъ, было также благотворнымъ пособіемъ и для науки Русскихъ древностей вообще, и для палеографіи особливо. Нужности по западно-Славянскимъ землямъ должны были имѣть слѣдствіемъ уясненіе понятій о языкѣ Славянскомъ въ его кѣстномъ разнообразіи, ознакомленіе съ памятниками, внѣ Россіи находящимися, и съ крѣпами ихъ извѣдыванія. Преподаваніе Славянской филологіи должно было каждой отрасли вопросовъ, сопряженныхъ съ филологіею въ тѣсномъ смыслѣ, дать новую жизнь, возбуждая въ нихъ вниманіе новыхъ дѣятелей.

Преподаваніи Славянской филологіи принимали непосредственное участіе въ палеографическомъ развитіи памятниковъ, бывшихъ въ филологическомъ отношеніи.

Нельзя забыть устройства разныхъ хранилищъ древностей, пожеланіемъ правительству: устройствѣ Императорскаго архива въ С.-Петербургѣ для Русскихъ древностей, и Оружейной палаты въ Москвѣ не осталось безъ извѣстій, такъ какъ оба учрежденія были донесены въ Москвѣ для посѣтительской, и для отчасти для ученыхъ. Еще важнѣе было донесеніе о открытіи Румянцевскаго музея (1831) и Императорской публичной библіотеки — особенно съ 1840 г., когда директоромъ ее сдѣлался баронъ М. А. Карфъ. Но намъ не скрѣтитъ какъ обстоятельство важнее — донесеніе, хотя и извѣстное только; въ тѣхъ-наименомъ Синодальную (патриаршую) библіотеку въ Москвѣ, что сдѣлалось особенно удобнымъ съ тѣхъ поръ, какъ нѣкто ранинчалъ занять именованъ Савва (не забудеть, что въ ней хранится 956 Славянскихъ рукописныхъ книгъ и кромѣ того грамотъ и т. п. до 200). Съ открытіемъ Синодальнаго архива одновременно открыты и архивы архіепископскія, разукрѣплены, а также только не особенному разпрѣшенію для каждаго лица.

Слова въ собраніи древностей слова: распространяются: забесѣдъ объ этомъ не только обществу (кляса: Московское Общество Исто-

рідъ Древностей, Общество любителей и древностей въ Одессѣ, Археологическое общество въ Петербургѣ, не говоря уже объ Академіи Наукъ и университетахъ), но и частныя лица. Собирали древности и праскіе омонимы, нѣтъ бору и кунцовъ (валюны были Царскій, Карабашовъ и др.); собирали и ученые (Сахаровъ, Удольскій, Погодинъ, проданный потомъ своею соборною правительству); особенно щедръ на издержки для этого графъ А. С. Уваровъ.

Количество различныхъ трудовъ, имѣющихъ значеніе для палеографа, издававшихся съ 1826 г., времѣ основаніи ихъ, очень значительно. Они появлялись частію въ разныхъ сборникахъ, издаваемыхъ обществами или частными лицами, частію отдѣльными книгами. Основными сначала сборниками изданія, въ которыхъ давалось мѣсто палеографическимъ статьямъ, а потомъ перейдемъ къ особнячкамъ книгамъ.

Прежде другихъ ученыхъ обществъ каленекъ надо вспомнить объ Академіи Наукъ и Академіи Россійской. Онѣ существовали отдѣльно до октября 1841 г. До этого времени Россійская Академія издавала *Известія* (1815—1828: 12 книгъ), *Полное собраніе* (1829—1832: 4 части), *Краткія записки* (1824—1835: 3 книжки), и *Труды* (1840—1841: 5 частей). Во всѣхъ этихъ изданіяхъ только случайно попадаются статьи, любопытныя для палеографа, болѣе всего въ *Трудахъ* (здѣсь даже есть снимки); но особенно важно ничего. Академія Наукъ до этого времени издавала *Mémoires*, *Bulletin scientifique* (1826—1842: 10 томовъ), и *Извѣщенія императорскому П. Н. Дамаскиному наряду* (съ 1826 года ежегодно). Ни въ одномъ изъ этихъ изданій не было ничего важнаго для палеографа. Эти изданія принадлежали Академіи Наукъ и по соединеніи ея съ Россійскою Академіею, не имѣли въ дѣлѣ. Только иногда прилагались къ *Bulletin* статьи академиковъ Русскаго отдѣленія, и между ними одна важна для палеографа, записка Беренникова о древностяхъ, найденныхъ въ Москвѣ. Съ 1852 года 2-е отдѣленіе Русскаго языка и словесности стало издавать *Известія* и *Записки* (изданіи 10 томовъ *Известій* и 7 томовъ *Записокъ*); несмотря на мое непосредственное участіе въ этихъ изданіяхъ, не считая усильными умолять, что оба эти изданія для Русскаго палеографа необходимы. Въ 1859—1865 г. вышло три тома *Ученыхъ Записокъ* по 1-му и 3-му отдѣленіямъ; несомненно, съ этой книжкой Кунце для палеографа очень важна. Съ 1869 года Академія издавала *Записки*, при участіи вышло трое отдѣленій, по 4 книги въ годъ издаваема это важно и для палеографа, хотя этого рода трудовъ въ наукѣ не имѣется сравнительно немного.

Старѣйшее въ археологическіе общества Русскихъ, Московское Общество Исторія и Древностей Россійскихъ, издавъ до 1836 г. 2 тома *Трудовъ и Записокъ*, 1 томъ *Русскихъ достопамятностей* и начало Лаврентьевской лѣтописи, съ 1826 года стало заводить дѣлашкинѣ. Крайне особенныя книги оно издавало: въ 1826—1837 шесть томовъ *Трудовъ и Записокъ*; въ 1837—1844 семь томовъ *Русского историческаго сборника*; въ 1843—1844 двѣ части (2-я и 3-я) *Русскихъ достопамятностей*; въ 1846—1848 двадцать три книги *Члены въ засѣданіяхъ*; въ 1849—1856 25 книгъ *Врачованія*; съ 1858 года издаются опять *Члены въ засѣданіяхъ* по 4 тома въ годъ до декабря 1866 года вышло 35 книгъ. Почти въ каждой изъ этихъ книгъ есть хоть что-нибудь важное для палеографа; есть въ нихъ описанія памятниконъ со снимками съ нихъ; очень много памятники (рукописи) издали выскѣ или въ отрывкахъ; много изслѣдованій или послужили матеріалами для изслѣдованій; ни одна вещь памятничность не осталась забытымъ. Особенно памятники должны быть труды *Песенника, Дубенскаго, Бяляева и Бодисина*, какъ издателей именномъ сборниковъ. Не слѣдуетъ впрочемъ думать, что рядомъ съ трудами, достойными полного уваженія палеографа (между прочимъ нельзя забыть издавія *Историческаго сборника*, занятаго 2-мъ томъ *Русскихъ достопамятностей*, какъ наиболее удачнаго), есть и такія, въ которыхъ палеографъ не можетъ обращаться съ довѣрѣемъ и которые не столько облегчаютъ, сколько затрудняютъ его. Изъ неудачныхъ примѣровъ издавій памятничность слѣдуетъ указать: 1) печатаніе *Историческаго сборника* отдѣльно отъ *Историческаго сборника*, въ слѣдствіе за книги, 2) печатаніе одного памятника по многимъ спискамъ отдѣльно, хотя бы памятничность и повторилась въ нихъ дословно.

Императорское Русское Археологическое Общество, открытое въ 1846 году (сначала подъ названіемъ *Музейнаго*), издавъ три сборника: съ 1849 началось его *Записки*, вышло до сихъ поръ вышло 14 томовъ; въ 1851 и 1861 вышло 2 тома *Записокъ отдѣленія Русской и Славянско-Археологическаго*; съ 1859 началось его *Извѣстія*, которыхъ вышло до сихъ поръ 5 томовъ. Эти сборники для палеографа еще дороже, чѣмъ сборники Московскаго Общества Древностей, потому что памятники описываются и издаются въ нихъ съ большимъ вниманіемъ и болѣе археологически. Особенно важны эти сборники по старинѣ, касавшимся памятничности-важнѣйшей, и по значительному количеству списковъ. По издавію этихъ сборниковъ, болѣе другихъ трудился *П. С. Савельевъ, М. Н. Савельевъ, В. В. Стр-*

совъ и *В. В. Вельяминовъ-Верный*. Искренняго довѣрія палеографъ достоинъ братья: извѣстія о памятникахъ, принадлежныя изъ разныхъ мѣстъ безъ сличеній, и извѣстія изъ извѣдывъ Сахарова и извѣстiorъ другихъ.

Одесское Общество Исторіи и Древностей, учрежденное въ 1830 году, начало издавать свои *Записки* въ 1844 г.; доселѣ издано 5 томовъ; 6-й печатается. Того, что достоино вниманія Русскаго палеографа, въ нихъ очень мало.

Московское Археологическое Общество, учрежденное въ 1864 году, пока еще издавало только одну книгу подъ названіемъ „Древности“ (1865). Ученіе графа *А. С. Уварова* ругается, что это общество будетъ въ состояніи сообщать свѣдѣнія столько же немныя, какъ и важныя.

Но имѣе надежду возбуждаетъ и другое общество, еще новое образованное въ Москвѣ, при публичномъ музеѣ, Общество древне-Русскаго искусства; и оно уже издало „Сборникъ на 1866 годъ“, большою томою, богатымъ содержаніемъ.

Каждая изъ духовныхъ академій издаетъ свой особенный сборникъ: С.-Петербургская издаетъ съ 1850 года Христіанское Чтеніе, Московская — (съ 1851) Творенія св. отцовъ съ Прибалтійскими, Казанская съ 1848 — Православный Соборъ. Въ этихъ изданіяхъ помѣщаются извѣдья и напутствія древне-Русскаго и Славянскаго языка, очень изобильно по содержанію, издаваемые, въ соціальномъ, изъ филологическаго и еще некоемъ палеографическаго.

Еще болѣе значительно количество частныхъ современныя изданій, въ которыхъ были помѣщены статьи, интересныя для палеографа. Вотъ главныя.

Вѣстникъ Европы (1862—1830). Всего 174 тома; съ 1826 года вышло 30 частей. (Указатель къ этому журналу помѣщенъ въ *Летопись* 1860 г., книга IV). Властью часть времени издаванія его редакторомъ былъ Каченовскій, профессоръ Русской исторіи. Отъ него мы находимъ въ этомъ журналѣ много статей по этому предмету, между прочимъ и изобильныхъ для археолога и палеографа.

Выборочныя историческія жетоны Кемпера (1825—1826). Главнымъ помещикомъ Кемпера былъ *Востокъ*. Не будь Востокова, этотъ журналъ не имѣлъ бы такого значенія для насъ.

Сибирскій Архивъ (1822—1826), издаваемый *С. Бузырскимъ*. (Указатель этого журнала въ *Архивъ Н. В. Калачова*. 1).

Московский Вѣстникъ (1827—1836) 24 ч., издаваемый *М. П. Неподитымъ*. (Указатель къ этому *Вѣстнику* помѣщенъ въ XIX томѣ *Временника*).

Журналъ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія (съ 1834 по 4 части въ годъ). Онъ издавался по волеи министра, С. С. Уварова, и во все то время, пока гр. Уваровъ былъ министромъ, оставался богатѣе сборникомъ научныхъ исследованийъ, между прочимъ, археологическихъ и палеографическихъ. (Указатель къ этому журналу изданъ въ 1864—1865 г.).

Достопамятности Москвы Тромошина. Каждая тетрадь заключала въ себѣ рисунки всякаго рода: тутъ были и снимки съ рукописей, вещей, одеждъ и т. п. Въ началѣ каждой тетради предлагалось быть листокъ съ описаніемъ памятниковъ.

Москвитянинъ (1841—1853: 202 книги). И въ этомъ повременномъ изданіи М. П. Погодина давалось мѣсто описаніямъ памятниковъ, статьямъ по Русскимъ древностямъ и т. п.

Архивъ историческихъ и юридическихъ содѣній Н. В. Калачева (1850—1861: 4 книги).

Архивъ историческихъ и практическихъ содѣній его же (1858—1863, XI ч.).

Русская Бесѣда (1856—1860: 20 книгъ), повременное изданіе для общаго чтенія, но заключающее въ себѣ нѣсколько статей, важныхъ для изучающаго Русскія древности, между прочимъ даже и памятники.

Летопись Русской литературы и древности (1859—1863, 5 частей) Н. С. Тихонова: важное пособіе.

Христіанскія древности и археологія. Было два тома (1863—1865, 24 части) со множествомъ рисунковъ, изъ которыхъ многіе любопытны для палеографа.

И въ этихъ сборникахъ изданіяхъ, и отдѣльными книгами и книжками, выходили труды, имѣющіе палеографическую важность.

Одни изъ нихъ ознакомили съ памятниками; другіе были посвящены выводамъ общимъ, сравнительнымъ.

Перваго рода трудовъ явилось очень много — касательно рукописныхъ книгъ, грамотъ и разныхъ вещей.

Рукописныя книги были описываемы. О первыхъ печатныхъ образцахъ описаній книгъ было уже сказано выше. Описанія *Калайдовска* (описаніе книги о правлѣ вѣрѣ Іоанна Дамаскина въ переводѣ Іоанна, экзарха Болгарскаго, XII вѣка, Синодальной бібліотеки № 108—155, — описаніе книги Шестоднева Іоанна экзарха, 1263 г., Синодальной бібліотеки № 54—345: въ исследованіи объ Іоаннѣ экзархѣ стр. 17—58 и стр. 59—73) остаются образцами и доселѣ.

Въ нихъ не достаетъ только изслѣдованій языка и содержанія рукописей сравнительно съ Греческими подлинниками:

Калайдовичъ вмѣстѣ съ *П. М. Строевымъ* далъ и первый образецъ описанія, большого собранія рукописей — въ *Обстоятельномъ* описаніи Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Москвѣ въ библиотекѣ графа *Ф. А. Толстаго* (1825 года). Имѣя въ виду слитное 1,000 рукописей (925 древнихъ и старыхъ и 156 новыхъ), составители не могли, конечно, думать о подробностяхъ; но нечая сдѣлать не простой списокъ для обозрѣнія, а „*обстоятельное описаніе*“, должны были обдумать, кому и для чего будетъ оно полезно. Этого, кажется, они не обдумали, или, по крайней мѣрѣ, принуждены были не додѣлать своего труда по какимъ-нибудь вышнимъ обстоятельствамъ. „*Обстоятельное описаніе*“ ихъ все-таки не описаніе, а скорѣе списокъ, обзоръ, дающее нѣкоторыя подробности о содержаніи только такихъ книгъ, каковы сборники. Собственно палеографическая часть ограничивается небольшою тетрадю списковъ (на 5-ти листахъ).

Того же плана держался *П. М. Строевъ* въ *Описаніи* библиотеки Общества исторіи и древностей (Москва, 1845 г.; 330 рукописей) и въ *Описаніи* Русскихъ и Славянскихъ рукописей князя Царскаго (Москва, 1848; 750 рукописей); впрочемъ, съ допущеніемъ кое-гдѣ кое-какія подробности и близкія въ подлиннику выписки изъ приписокъ къ рукописямъ. По примѣру указателя къ „*Обстоятельному описанію* рукописей гр. Толстаго“, и при этихъ выпискахъ есть указатели, и особенно хорошъ предложенный въ *Описаніи* рукописей Царскаго.

Нѣсколько большаго потребовалъ отъ себя братъ *П. М. Строева*, *С. Строевъ*, въ „*Описаніи* памятниковъ Славянской литературы, хранящихся въ библиотекахъ Германіи и Франціи“ (Москва, 1841): есть въ немъ и нѣкоторыя палеографическія замѣчанія и выписки съ желаніемъ соблюсти правописаніе подлинниковъ, списки, и даже кое-какія изслѣдованія.

Новый значительный шагъ въ описаніи собраній рукописей сдѣланъ было *Восмокомова* въ „*Описаніи* Русскихъ и Славянскихъ рукописей Румянцеваго музея“ (С.-Пб. 1842; 473 рукописи). Не только въ рукописей Востоковъ обратилъ вниманіе по мѣрѣ возможности указывать содержаніе, выписывалъ буквально вѣрно современныя приписки, также сдѣлалъ выписки особенно важныхъ мѣстъ, далъ мѣсто палеографическимъ замѣчаніямъ, представилъ, гдѣ было нужно, сравненія — между прочимъ съ подлинниками Греческими, Латинскими и пр., а равно и разслѣдованія. Важность труда Востокова

въ собственно-палеографическомъ отношеніи соединилась съ важностью историко-литературною; даже болѣе: едва-ли найдется какой исследователь древности и старинны Славянскій и Русскій, который бы не почелъ долгомъ обратиться къ описанію Востокова и не нашелъ бы для себя необходимыхъ указаній и соображеній, будь онъ историкъ; богословъ, юристъ и т. п. Не забудемъ, что пользованіе Описаніемъ обогачено прекрасно составленнымъ указателемъ. Въ собственно палеографическомъ отношеніи можно было бы пожелать только двухъ родовъ добавокъ: 1) болѣе выписокъ для ознакомленія съ правописаніемъ, и 2) палеографическихъ снимковъ. Черезъ это, конечно, возрасло бы описаніе, и безъ того громадное.

Необходимость сколько возможно большаго количества буквально вѣрныхъ выписокъ стала признаваться уже позже, со времени изданія *Извѣстій* 2-го отдѣленія Академіи, то-есть, съ 1852 года. Необходимость снимковъ чувствовалась всегда; но издержки на нихъ всегда оставались жалкими. Какъ самое счастливое исключеніе въ этомъ отношеніи можемъ вспомнить Палеографическія и филологическія матеріалы для исторіи писемъ Славянскихъ, *Ф. И. Булаева*, изданныя Московскимъ университетомъ въ книгѣ Матеріаловъ для исторіи писемъ (1855 г.) съ 22 листами снимковъ, приготовленныхъ извращено г. *Шелковниковымъ*.

Въ 1855 г. появилась первая книга „Описанія Славянскихъ рукописей Московской Синодальной бібліотеки“, *А. В. Герского* и *Б. И. Новоотруева* (послѣ вышло еще три книги, въ которыхъ описана уже 341 рукопись). Этому изданію сдѣланъ еще важный шагъ: требованія исследованій еще болѣе расширены, особенно въ отношеніи богословскомъ и церковномъ; внимательность палеографическая также достойна признанности. Не достаетъ того же, чего и въ Описаніи Востокова: выписокъ и снимковъ. Недостатокъ выписокъ до нѣкоторой степени пополняется множествомъ выписанныхъ отдѣльныхъ словъ. Указателя еще нѣтъ; впрочемъ, какъ слышно готовится.

Отсутствіе главныхъ явленій, обозначающихъ успѣхи въ описаніи рукописей у насъ, представлю замѣтки, къ какимъ изъ собраній рукописей еще уже у насъ описанія многихъ рукописей выстѣ.

Кромѣ письменныхъ каталоговъ, изъ которыхъ особенно замѣчательны: каталогъ рукописей Императорской публичной бібліотеки *А. Ф. Бычкова*, каталогъ бібліотеки Троице-Сергіевой лавры, бібліотеки Іосифова Волоколамскаго монастыря, бібліотеки Чудова монастыря, въ печати существуютъ слѣдующія описанія:

1) Импер. публичной библиотекѣ: *Калайдовича* и *Строева*. — Обстоятельное описаніе (см. выше). Изъ этому прибавить можно только нѣсколько частныхъ опытовъ, между прочимъ, *Востокова*: Описаніе Библіевскихъ рукописей (Ученныя Записки 2-го отдѣленія Академіи Наукъ. II. 2). Описаніе 7-ми рукописей И. П. В. П. А. *Давроовскаго* (Чтенія 1858 г. № 4).

2) Библиотекѣ Академіи Наукъ. Частное описаніе нѣкоторыхъ рукописей *Востокова* (Ученныя Зап. 2-го отд. Акад. Наукъ 11. 2).

3) Библиотекѣ духовной *Александровской* академіи. Въ ней теперь находятся библиотекѣ Новгородскаго Софійскаго собора и Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. (См. ниже подъ № 8). Обзорніе рукописей пергаменныхъ Новгородскаго Софійскаго собора И. *Куринова*. Спб. 1857.

4) *Румянцевскій музей*: Описаніе *Востокова* (см. выше).

5) Синодальная *Московская библиотекѣ*. Забѣтки *Калайдовича* о нѣкоторыхъ изъ рукописей погѣщены въ изслѣдованіи объ Иоаннѣ экзархѣ (см. выше) и *Буслаевымъ* въ Матеріалахъ (см. выше); полное описаніе рукописей предпринято *Герскимъ* и *Новоструевымъ* (см. выше); кромѣ этого важны архим. (нынѣ епископа) *Савви* — Указатель для обзорнія Московской патріаршей, книгъ синодальной библиотекѣ. Москва. 1858 г.

6) Библиотекѣ общества исторіи и древностей: *Строева*. Описаніе (см. выше).

7) Библиотекѣ *Воскресенскаго Ново-Иерусалимскаго монастыря*: арх. *Амфилохія* Описаніе рукописей. Спб. 1859.

8) Библиотекѣ *Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря*. Частное описаніе нѣкоторыхъ рукописей въ книгѣ *Шевирева* — Поѣздка въ К. В. монастырь. М. 1850 г.; Архим. *Варлаама* — Обзорніе рукописей собственнѣ библиотекѣ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря (Чтенія. 1860. 2-я кн.).

9) Библиотекѣ графа А. С. *Уварова*: *Строева* Описаніе рукописей Царскаго (см. выше); *Сахарова*: Славяно-Русскія рукописи: отд. I. Спб. 1849.

10) *Норовскія рукописи* (не знаю, гдѣ теперь находящіяся): *Восточова* Описаніе (Уч. Записки. 2-е отд. II. 2).

Кромѣ того: есть еще описанія рукописей разныхъ библиотекъ вмѣстѣ:

Бар. *Розентамбфа*, Обзоръ Коричней Книжки, 1829.

С. *Строева*, Описанія памятниковъ (см. выше).

В. И. Гуморевича, Описание рукописей монастырей Афонских, Балгарских и т. д. въ Очеркѣ путешествія по Европейской Турціи. Казань, 1848 г.

Сахарова. Обзоръ Славяно-Русской библиографіи. Кн. I. 1849. *Филарета* въ Историческомъ обзорѣ Русской духовной литературы. Спб. 1857 г.

Макарія въ примѣчаніяхъ въ Исторіи Русской церкви. Спб. 1857—1866.

Ф. И. Бусласса въ примѣчаніяхъ въ Исторической хрестоматіи. М. 1861 г.

Петковича, Обзоръ Афонскихъ древностей. Спб., 1865 г. (при *Запискахъ Академіи Наукъ*) VI. кн. 2.

Срезневскаго, Древніе памятники Русскаго письма и языка (X—XIV вѣка). Спб., 1863—1866 г. — Древніе памятники письма и языка восточныхъ Славянъ (IX—XII вѣк.). Спб., 1865 г. — Свѣдѣнія и записки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ (въ *Запискахъ Академіи*).

Сравнительныхъ описаній рукописей, между прочимъ, и очень подробныхъ, есть много въ разныхъ вышеозначенныхъ изданіяхъ. Между ними нельзя забыть *В. И. Ламанскаго*: О нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ въ Вѣнградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ. Спб., 1864 г. (при *Ученыхъ Запискахъ Академіи*: VI, кн. 1).

Что касается *грамотъ*, то ихъ описаній очень немного: указать можно только на образчики въ Описаніи рукописей Румянцовскаго музея, *Востокова* (подъ рубрикою *грамоты*); въ Очеркѣ путешествія *Гуморевича* (въ разныхъ мѣстахъ) и т. д. Чаще встрѣчаются описанія *грамотъ* при ихъ изданіяхъ; но объ этомъ послѣ.

Обратимся къ обозначенію *изданій* рукописей и *грамотъ*.

Изданій цѣльныхъ памятниковъ и отрывковъ въ поврежденныхъ сборникахъ пересчитать нѣтъ возможности: перечень только того, что напечатано въ *Ученіяхъ*, занялъ бы чуть не печатный листъ. Ограничимся только главными.

Первые образцы изданій памятниковъ даны: *Тимковскимъ* (начало *Лаврентьевской* глгописи), *К. Ф. Калайдовичемъ* (Русскія достопамятности I, Памятники XII вѣка, Иоаннъ ежархъ); *И. Л. Строевымъ* (Софійскій временникъ). Ихъ нельзя назвать палеографическими; но въ нуждѣ ими можетъ пользоваться и палеографъ, кромѣ мелочей правописанія, и нельзя все-таки ихъ не считать хорошими изданіями памятниковъ.

Въ 1842 году появилось изданіе *Фрейвильемскихъ статей Кеттена и Востокова*, — изданіе, которое можно считать образцовымъ: въ немъ все есть — и снимки всего памятника, и вѣрный списокъ, и чтенія, и изъясненія, и нѣкоторые счастливыя изслѣдованія.

Новый образецъ данъ опять *Востоковымъ* въ изданіи Остромирова Евангелія (Спб. 1843 г.). Весь текстъ нарочно притѣсненными для этого буквами напечатанъ знаетъ въ знакъ, строка въ строку, страница въ страницу; подъ Славянскимъ текстомъ текстъ Греческій, въ приложеніи отмѣчены описки писца, осмотрѣнъ грамматическій строй языка, данъ полный указатель; приложены снимки.

Эти образцы, однако, оставались почти безъ подражаній. Какъ объ исключеніи, можно вспомнить о второй части Русскихъ достопамятностей (М. 1843 г.), гдѣ помещены юридическій сборникъ XIV вѣка съ Русской Правдой, буква въ букву по подлиннику и съ указанными вариантами; трудъ П. Дубенскаго. Не можетъ быть пропущено изданіе Русской Правды въ книгѣ *Калачова*: Предварительныя юридическія свѣдѣнія для полного объясненія Русской Правды (М. 1846 года). Оно заслуживаетъ вниманія по оригинальности: текстъ представленъ въ особенномъ (вымышленномъ) порядкѣ и множество списковъ сведено вмѣстѣ.

Въ 1851 г. изданъ *Лѣтописца* Переяславля Суздальскаго К. М. Оболенскимъ по рукописи XV вѣка: описана рукопись и хронографъ Э. Малалы, въ ней заключающійся, съ выписками и сличеніями, разсмотрѣна лѣтопись и издана съ возможною точностію. Недостаетъ указателя и списковъ.

Въ 1858 году вышелъ II томъ изданія: Рукописи графа Уварова (перваго не выходило): въ немъ сочиненія Кирилла Туровскаго — инныя по 2-мъ и по 3-мъ спискамъ вѣрно, но иногда напрасно (можно бы было ограничиться вариантами); предисловіе М. И. Сухомлинова въ литературномъ отношеніи очень любознательно. Описаній рукописей и списковъ нѣтъ, нѣтъ и указателя.

Въ 1860 г. изданы Сказанія о Борисѣ и Глебѣ по рукописи XIV вѣка. Спб., 1860 г. Полный списокъ; чтенія съ поправкою ошибокъ писца и съ дополненіями; описаніе рукописи. Недостаетъ критическимъ объясненій и указателя.

Въ 1861 г. вышла Историческая христонатія *Θ. И. Буслова*: нѣкоторые отрывки напечатаны вѣрно съ подлинниковъ; есть объяснительныя примѣчанія.

Въ 1862 г. вышелъ третій выпускъ Памятниковъ старинной Рус-

свой литературы: Ламиния и отреченная книги собраны *А. Н. Иваницкимъ*; прекрасное издание; впрочемъ безъ снмковъ и указателя.

Въ 1863 г. — *Н. С. Тихомировъ* Отреченная книги (2 тома. М.); прекрасное издание по подлинникамъ: впрочемъ тоже безъ снмковъ и указателя.

Въ 1863—1866 годахъ напечатаны Драніе памятники Русскаго письма и языка (IX—XIV вѣковъ). Многіе памятники изданы вполнѣ или въ извлеченіи; приложены снмки съ 50 пам. Указатель есть, но не словъ.

Въ 1866 году издано для учащихся Слово о Полку Игоревѣ *Н. С. Тихомировымъ*: въ этомъ изданіи въ первый разъ обращено палеографическое вниманіе на утраченный подлинникъ, съ котораго сдѣланы были списки Слова. Кто и не согласенъ будетъ съ окончательнымъ выводомъ издателя, что этотъ подлинникъ написанъ въ XVI—XVII вѣкахъ, все-таки признаетъ за изслѣдователямъ и умѣстность вопроса, имъ заданнаго, и остроуміе сближеній.

Изданія грамотъ у насъ многочисленны и вообще съ 1826 г. не дурны, а нѣкоторыя и превосходны. Вотъ главныя по достоинству.

Начавое въ 1813 году *Румянновское* Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ окончено въ 1828 г. четвертымъ томомъ. Хотя послѣдніе томы изданы и хуже первыхъ, тѣмъ не менѣе, и ими можно пользоваться съ довѣренностью. Въ послѣднемъ тому приложены четыре листа снмковъ и прекрасно составленный указатель собственныхъ именъ. При нѣкоторыхъ актахъ приложены краткія описанія и печати.

Въ 1836 г. изданъ *Сборникъ Муханова*, значительное количество актовъ, большею частью западно-Русскихъ. Какъ надать Мухановъ, видно изъ собственныхъ его словъ: „Я вообще того мнѣнія, что собственно для пользы исторіи не только нѣтъ никакой необходимости издавать историческіе памятники со старой орфографіей, но даже въ настоящихъ положеніи и нашихъ архивовъ и нашей исторической литературы полезнѣе все издавать орфографіей новою“ (стр. XXVI—XXVII въ концѣ книги). Мухановъ, слѣдовательно, не отвергалъ, что при другомъ состояніи архивовъ и исторической литературы, надобно издавать иначе; а думалъ ли онъ о томъ, что подлинники могутъ погибнуть, что тогда печатные списки должны ихъ замѣнить, и что же, если издатели ихъ дурно прочли? Нельзя, однако, не замѣтить, что Мухановъ приложилъ къ своему собранію снмки, примѣчанія и ука-

затель собственникъ имѣть, и что его Сборникъ вообще принадлежить въ числу очень полезныхъ изданій.

Съ 1836 г. стали являться томы актовъ, издаваемыхъ Археографическою комиссією; именно:

Въ 1836—1838 гг. вышло 4 тома *Актовъ, собранныхъ Археографическою экспедиціею*. Правописаніе новое; снимковъ нѣтъ; есть косякія примѣчанія и самыя краткія описанія подлинниковъ; указатель имѣть и нѣкоторые предметы приложеныю особенною книгой.

Въ 1838 г. изданъ томъ *Актовъ юридическихъ*. Изданіе совершенно такое же, только нѣтъ указателя предметовъ.

Въ 1841—1843 гг. изданы пять томовъ *Актовъ историческихъ* съ указателемъ въ особенной книгѣ. Изданіе такое же, только приложены одинъ снимокъ.

Въ 1846—53 гг. издано пять томовъ *Актовъ, относящихся къ исторіи Западной Россіи*. Нѣкоторые изъ актовъ изданы вѣрно по подлиннику. Указателя нѣтъ. Есть краткія описанія актовъ и примѣчанія. Редакторомъ былъ протоіерей *І. Григоровичъ*.

Въ 1846—1862 гг. издано 8 томовъ *Дополненій къ Актамъ историческимъ*. Въ первомъ томѣ, нѣкоторые акты изданы съ желаніемъ сохранить подлинникъ, какъ онъ есть. Указателя еще нѣтъ; есть примѣчанія.

Въ 1857 — вышла книга *Грамотъ, касающихся до сношеній Северо-Западной Россіи съ Римою и съ ганзейскими городами* — всего 8: всѣ въ прекрасныхъ снимкахъ съ чтеніями, съ примѣчаніями и описаніями подлинниковъ. Надъ изданіемъ работали *М. А. Коркуновъ* и *А. А. Куникъ*.

Въ 1857—1864 гг. изданы 2 первые тома *Актовъ, относящихся до юридическаго быта древней Россіи* — *Н. В. Калачова*. При печатаніи памятниковъ до конца XV вѣка, бывшихъ у редактора въ подлинникѣ, признано за нужное наблюдать такое правило: всѣ буквы, находящіяся въ верху надъ словами, печатать рядомъ съ прочими буквами слова, но въ отличіе отъ нихъ курсивомъ, и за тѣмъ же содержаніе подлинника передавать въ совершенной точности, буква въ букву; что же касается до надстрочныхъ знаковъ (титлъ), то читатель можетъ легко добавлять ихъ мысленно въ словахъ, писанныхъ сокращенно. Приложены краткія описанія актовъ. Изданіе не кончено.

Въ другихъ изданіяхъ Археографической комиссіи, бывшихъ послѣ, этому правилу не слѣдовали, оставшись при прежнихъ. Не указывая этихъ изданій, потому что въ нихъ древнихъ памятниковъ, для насъ

особенно важныхъ, нѣтъ. По этой же причинѣ не указываю другихъ изданій. Отгѣчу еще только немногія:

Влахо-Болгарскія грамоты, собранныя и объясненныя *Н. Венелима*. Сиб., 1840 г. Подлинникъ соблюденъ довольно вѣрно; сдѣланы пригѣчанія; приложена тетрадь снимковъ.

Описаніе государственнаго разряднаго архива *П. И. Иванова*. М. 1842 г. со снимками.

Псковская судная грамота 1467 г. Одесса, 1847 г., со снимкомъ; изданіе г. *Мурзаневича*, не вполне достовѣрное.

Описаніе государственнаго архива старыхъ дѣлъ, составленное *П. И. Ивановымъ* (М., 1850 г.); здѣсь изданы многія грамоты. Изданіе грамотъ не вполне удовлетворительно; снимковъ приложено довольно много.

Въ моемъ сборникѣ Древнихъ памятниковъ Русскаго письма и языка (1863 г.) есть нѣсколько древнихъ грамотъ XII—XIV вѣковъ, изданныхъ вѣрно по подлиннику.

Вообще нельзя сказать, чтобы въ изданіи грамотъ мы достигли большаго совершенства, тѣмъ въ изданіи книгъ. Есть однако и въ томъ и въ другомъ прекрасные образцы.

Остается еще сказать нѣсколько словъ объ изданіи сборниковъ снимковъ. Важнѣйшими можно считать слѣдующіе:

Кетена и Востокова въ Собраніи Славянскихъ памятниковъ. 1827 г.

Собраніе государственныхъ грамотъ. Томъ IV 1828 г. Въ первыхъ трехъ есть много снимковъ съ печатей.

Сборникъ *Муханова*. 1836 г.

Влахо-Болгарскія грамоты *Венелима*, 1840; 20 листовъ снимковъ.

Образцы Славяно-Русскаго древлеписанія проф. *Погодина* (М. 1840—1841), двѣ тетради; 44 листа снимковъ, сдѣланныхъ Тромонинымъ при очень краткихъ обозначеніяхъ, откуда взяты. Нѣкоторые снимки очень хороши.

Палеографическіе снимки съ грамотъ *Сахарова* (1841 г.). 27 л. снимковъ съ грамотъ безъ обозначеній и вообще не тщательно.

Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ черчерковъ древняго и новаго письма, изданъ для воспитанниковъ межеваго вѣдомства, составленный *И. Ивановымъ*. М. 1844 г. 102 лл. снимковъ съ чтеніями и нѣкоторыми объясненіями, нѣкоторые снимки плохи. Тутъ есть и сравнительныя азбуки.

Русскій историческій альбомъ. 1858 г. Изданіе *М. Погодина*, 42 листа поднесей XIV—XIX в.

Палеографическіе и филологическіе матеріалы *Будалева* со снимками г. *Шелковникова*. Москва, 1855 г. 16 листовъ превосходныхъ снимковъ со Славяно-Русскихъ рукописей.

Акты сношеній съ Ригю, 1857 года: 8 листовъ превосходныхъ снимковъ.

Палеографическіе снимки съ Греческихъ и Славянскихъ рукописей Московской синодальной бібліотеки; издалъ *Савва*, епископъ Можайскій. М., 1863 г. 60 лл. снимковъ, изъ которыхъ только нѣкоторые неудовлетворительны, иные прекрасны, работы *Шелковникова*. Есть и сводныя азбуки.

X томъ Извѣстій 2-го отдѣленія Академіи: 12 снимковъ.

I—V томы Извѣстій Археологическаго общества. Множество снимковъ и нѣкоторые превосходны.

Христіанскія древности и археологія 1862—1865. Снимковъ много; есть и прекрасные.

Древніе памятники Русскаго письма и языка. Приложение: 1866 года: снимки съ 50 памятниковъ XI—XIV в.

Древніе глаголическіе памятники, 1866 года: при немъ тетрадь снимковъ.

Нельзя еще пропустить снимки архимандрита *Амфилохія*, къ сожалѣнію отпечатанные въ небольшомъ числѣ экземпляровъ.

Важны также снимки фотографическіе, въ произведеніи которыхъ съ рукописей Воскресенскаго монастыря принялъ большое участие тотъ же архимандритъ Амфилохій.

Обращаясь къ осмотру трудовъ о памятникахъ древности, которые вообще, по большинству своему, могутъ быть названы вещами, и которые любопытны и важны палеографу по написанью, на нихъ находящимся, мы должны вспомнить, что разборъ одного изъ такихъ памятниковъ былъ первымъ ученымъ трудомъ на Русскомъ языкѣ. Это письмо Оленина о Тмутороканскомъ камнѣ (1806). Въ то же время начать разборъ и двухъ другихъ вещей: Ярославля сребра и тѣхъ-называемой Черниговской гривны. Съ тѣхъ поръ раскрылось значительное количество памятниковъ, и по нѣкоторымъ отдѣламъ ихъ сдѣлано все-что важное.

Богѣ всего сдѣлано по разбору *монетъ, денегъ*. Нумизматическіе вопросы въ періодъ изданія Трудовъ и Лѣтописей занимали Московское Общество Исторіи и Древностей, и труды членовъ его возбуждали охоту къ этого рода занятіямъ въ стороннихъ ученыхъ. Нельзя, однако, всѣхъ занимавшихся тогда Русскою нумизматикой разделить на

два очень отличные порядка: одни занимались ею по общимъ Западно-Европейскимъ образцамъ; другіе, не довольствуясь этимъ, обращали вниманіе на то, что сдѣлано было учеными по нумизматикѣ мугамеданской (особенно Х. Х. Френомъ, преимущественно въ его сочиненіи „Монеты хановъ Улуса Джучіева или Золотой Орды. Спб., 1862“) ¹⁾. Изъ трудовъ этого втораго порядка особенно памятна должна быть заслуга А. Черткова, его Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, съ двумя прибавленіями (М. 1834 и 1837—1838. Извлеченіе изъ него съ нѣкоторыми соображеніями въ 7-й части Трудовъ и Лѣтописей общества исторіи и древностей стр. 1—56); монеты подробно описаны и въ описаніяхъ приложены рисунки монетъ. Кромѣ внимательности къ разнымъ признакамъ, замѣтимъ еще выработанную имъ мысль о распредѣленіи нашихъ древнихъ денегъ по княжествамъ. Чертковымъ начался рядъ нашихъ ученыхъ нумизматовъ. Къ числу ихъ скоро присоединились *Шодуръ* (Aperçu des monnaies Russes. 1836. Обзоръ Русскихъ денегъ: три тома съ рисунками), *Рейхель* (Die Reichelsche Münzschmiedung. I. 1842 г.), *Сахаровъ* (Лѣтопись Русской нумизматики. 1842, 2-е изданіе въ 1851), *Шубертъ* (Описаніе Русскихъ монетъ и медальей его собранія. Спб., 1843). Всѣ эти нумизматы описывали монеты по княжествамъ и въ описаніяхъ прилагали рисунки.

Въ 1846 году основалось въ С.-Петербургѣ *Археологико-нумизматическое общество* (позже переименованное въ Археологическое), и два страстные нумизмата сдѣлали записки этого общества органомъ своей дѣятельности: это О. Кене и П. С. Савельевъ. Особенно важны труды этого послѣдняго, какъ ученаго, соединявшаго въ себѣ ученость Русскаго археолога съ ученостью ориенталиста. Главные труды его были по нумизматикѣ мугамеданской; но даже и въ нихъ онъ нередко высказываетъ соображенія, важныя для нумизмата Русскаго. Въ стати напомнимъ о трудѣ его: „Мухамеданская нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи: топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями. VII—XI в.“ (Спб. 1846 г.)

Въ 1853 г. изданъ трудъ г. *Волошинскаго* (Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ, приобретенныхъ Киевскимъ университетомъ изъ Нѣжинскаго клада, въ Трудахъ комиссіи для описанія губерній Киевскаго учебнаго округа), не важный самъ по себѣ, но до сихъ поръ единственный касательно этихъ монетъ, важныхъ для разработки вопроса о Русскихъ деньгахъ древнѣйшаго періода.

1) О трудахъ Френа, статья П. С. Савельева въ Запискахъ Археологическаго общества: VI т., стр. 339—405.

Съ 1860 г. къ числу Русскихъ нумизматовъ присоединился *Д. Савицковъ*. Его труды, пока вышедшіе, суть: *Деньги и пулы древней Руси*. М. 1860; *Нумизматическія изслѣдованія Слав. монетъ*. 1. М. 1865, гдѣ есть статья: „*Деньги древней Руси, не описанныя въ прежнихъ монѣхъ нумизматическихъ изданіяхъ*“.

Первое мѣсто между Русскими нумизматами теперь, безспорно, принадлежитъ академику *А. А. Куника*. Изъ его трудовъ особенно важно изслѣдованіе о Русско-Византійскихъ монетахъ Ярослава I съ изображеніями св. Георгія побѣдоносца. Спб., 1860 г.

Съ работами о монетахъ въ ближайшей связи состоятъ работы о медаляхъ. У насъ въ древности былъ только одинъ родъ медалей, такъ называемыя *гривны*. Одинъ экземпляръ гривны, найденный близъ Чернигова, издавна сдѣлался предметомъ изслѣдованій, которыя, послѣ находки другихъ подобныхъ, продолжаются и доселѣ, но еще не привели ни къ какому важному результату.

Съ работами касательно монетъ соединяются и работы, имѣющія своимъ предметомъ *печати*. Эти работы у насъ не новы, и нѣкоторыя достойны полнаго уваженія. Драгоцѣнное собраніе рисунковъ печатей Русскихъ сдѣлано въ *Собраніи государственныхъ грамотъ и документовъ*, гдѣ находимъ изображенія довольно точныя всѣхъ печатей, какія только сохранились при грамотахъ, изданныхъ въ этомъ собраніи. Послѣ этого изданія, на печати обращено было вниманіе только по одиночѣ членами Общества исторіи и древностей и Археологическаго общества. Важнѣйшее по величинѣ собраніе изображеній древнихъ печатей, вышедшее въ послѣднее время, есть *П. Игнатовъ*: *Сборникъ снимковъ съ древнихъ печатей, приложенныхъ къ грамотамъ и другимъ юридическимъ актамъ, хранящимся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи* (М. 1856 г.) Изслѣдованія о печатяхъ пока едва только начаты. Главный трудъ въ этомъ отношеніи изъ доселѣ вышедшихъ есть трудъ *А. Дакера*: *Русская геральдика* (Спб. 1855. 2 книги), гдѣ помѣщена и исторія печатей въ Россіи (I. стр. 83—198). Въ этой книгѣ находится и сводъ того, что есть въ виду относительно гербовъ Русскихъ. Дополненіемъ къ нему могутъ служить труды покойнаго *Сахарова* и *А. А. Куника*.

Изъ остальныхъ предметовъ древности, важныхъ для археолога-палеографа, наибольшаго вниманія достойны: образъ (икона), иконы церковныя, знамена, кресты, надгробныя памятники, колокола, утварь церковная и домашняя, одежды церковныя. Написи на нихъ нерѣдко даже важнѣе, чѣмъ на монетахъ, медаляхъ, печа-

такъ, гербазъ. И на эти предметы было обращено у насъ вниманіе издавна, особенно послѣ Оленина, Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей. Не смотря однако на прекрасный образецъ Оленина, далеко не всѣмъ было и даже до сихъ поръ отчасти остается памятнымъ, что въ передачѣ написей, равно какъ и вообще изображеній на предметахъ, надобно строго держаться подлинника.

Богѣ другихъ любопытны въ этомъ отношеніи слѣдующіе труды:

Ө. И. Адельманъ, Die Kogwiaschen Thüren (1823), въ Русскомъ переводѣ: О Корсуцкихъ вратахъ (1834).

А. Н. Оленина, Объясненіе фигуръ въ письму: О Славянахъ отъ времени Траяна и Русскихъ до нашествія Татаръ. 1833.

Смирнова, Памятники Московской древности. М. 1842 — 45. 44 лл. рисунковъ.

И. Фундуклеи, Обзоръніе Кіева въ отношеніи къ древностямъ. Кіевъ. 1847 г., съ рисунками.

М. Толстому, графа. Древнія святыни Ростова. М. 1847 (*Чтенія*: 1, 1847—1848 № 2; 2-е изданіе. М. 1860; 3-е изданіе 1866 г.).

В. И. Григоревича, Очеркъ путешествія по Европейской Турціи. К. 1848 г.

Древности Россійскаго Государства. 1849 г., 6 томовъ и 6 книгъ объясненія.

Дмитревскій соборъ во Владимірѣ на Клязьмѣ (графа Сергѣя Строганова). 1849 г. (На рисункахъ есть изображенія съ написями).

Ю. Филлимова, Описаніе памятниковъ Русскаго музея П. Карачанова. М. 1849 г.

Записки Русской и Славянской археологіи. Спб., 1851.

И. Забѣлина, О металлическомъ производствѣ въ Россіи до конца XII в. (Записки Археологическаго общества. С.-Пб. 1853).

И. Забѣлина, Историческое обзоръніе финифтянаго и цениннаго дѣла въ Россіи (Записки Археологическаго общества VI. 1853 г.)

Изображеніе малагіи, хранящиска въ ризницѣ Троицкой Лавры. 1852 года.

Изображеніе древнихъ предметовъ Лавры.

А. Раемтскаго, Исторія Русскихъ ниволъ иконописанія до конца XVII вѣка. (Зап. Арх. общ. VIII. 1856).

Владикіевскій сборникъ *Тихомирова*. 1857.

И. Салтыкова, Росцисъ древней утвари. 2 тетради. М. 1857—1858.

Мавриіа архимандрита, Памятники деревяной древности въ Новгородской губерніи (Зап. Арх. общ. X. 1857).

П. Соловьева, протофер., Описание Новгородскаго Софійскаго собора. Спб., 1858.

Закревскаго. Лѣтопись и описаніе г. Кіева. М. 1858. (*Чтенія* 1858, 2).

Макарія архим., Описание Юрьевскаго монастыря. (*Чтенія*, 1858, 2).

Даскалова, Открытія въ Терноуѣ. (*Чтенія*, 1859).

Арх. Варлаама, Описание древностей и ризницъ въцѣи Карла-Вѣлосерскаго монастыря. (*Чтенія*, 1859, 8).

А. Ѡ. Гилъбердинга, Сербія, Боснія, Герцеговина. Спб., 1859.

Макарія арх., Археологическое описаніе церковныхъ древностей въ Новгородѣ. М. 1860.

А. Ѡ. Вельтмана, Московская оружейная палата. М. 1860.

Ю. Филимонова, Окладъ Мстиславова Евангелія. 1860. (Чт. 4).

М. Толстаго гр., Святѣни и древности Пскова. М. 1861.

М. Толстаго гр., Святѣни и древности Новгорода. М. 1862.

Савви архим., Указатель синод. ризницъ. М. 1862.

Не всѣ эти труды одинаково важны для палеографа; но почти въ каждой изъ нихъ онъ найдетъ любопытныя для себя замѣчанія.

Оканчивая на этомъ обзорѣ Русскихъ трудовъ, важныхъ для Славянскаго палеографа, не могу еще не вспомнить, что Московскій профессоръ *О. М. Бодянский*, издавшій въ *Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей* огромное количество памятниковъ, и большую часть съ полнымъ соблюденіемъ правописанія подлинника, издавъ и изслѣдованіе «о времени происхожденія Славянскихъ писемъ» (М. 1855), важное по критической постановкѣ и по обилію данныхъ, взятыхъ для соображенія. Въ этомъ трудѣ дано мѣсто и рассмотрѣнію другихъ изслѣдованій о древнихъ письменахъ Славянскихъ, довольно обстоятельному, хотя и не безпристрастному.

Ища общихъ итоговъ въ представленныхъ перечняхъ трудовъ послѣднихъ сорока лѣтъ, имѣющихъ значеніе для палеографа, нельзя отвергнуть, что въ кругѣ передовыхъ предварительныхъ трудовъ сдѣлано очень многое:

1. Количество открытыхъ памятниковъ возрасло до цифръ громадной, и между ними есть уже очень много памятниковъ опредѣленнаго времени.

2. Рассмотрѣніе и описаніе памятниковъ подчинилось довольно опредѣленнымъ правиламъ и дало нашей литературѣ нѣсколько важныхъ трудовъ общаго значенія, не говоря уже о трудахъ частныхъ и о разныхъ обзорѣніяхъ памятниковъ.

3. Очень много памятники изданы или вполне или въ отрывкахъ, съ соблюденіемъ подлиннаго правописанія, со снимками, а нѣкоторые въ полныхъ снимкахъ и съ объясненіями.

4. Палеографическія наблюденія стали быть сводимы въ своды, давъ между прочимъ мѣсто и своднымъ азбукамъ, и сравненіямъ особенностей письма и правописанія разнаго времени, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изслѣдованіямъ, потребовавшимъ различныхъ филологическихъ, археологическихъ и историческихъ соображеній.

5. Начаты общія выводныя изслѣдованія съ научною филологическою требовательностью.

Охота въ археологико-палеографическимъ занятіямъ вообще распространялась.

IV. Палеографическія работы у западныхъ Славянъ.

Наше обзорніе трудовъ по палеографіи Славянской и Русской было бы неполно, если бы мы упустили изъ вида труды, изданные на Западѣ, особенно нашими соплеменниками. Обратитъ на нихъ вниманіе нужно тѣмъ болѣе, что нѣкоторые находятся въ прямой связи съ трудами Русскими и служили образцами для нихъ, а другіе сдѣланы по образцу нашихъ трудовъ. Нельзя этого не сказать и объ *аббатѣ Иосифѣ Доброскомѣ*, первомъ по времени изъ филологовъ и археологовъ Славянскихъ, много годи занимавшемся древнимъ Славянскимъ языкомъ по памятникамъ. Палеографическое вниманіе къ памятникамъ показалъ онъ уже въ своихъ сборникахъ, изданныхъ подъ названіями *Slavin* (1806—1808) и *Slowanica* (1814—1815). Въ первомъ представлены и изслѣдованія о глаголицѣ и снимки. Къ Старославянской грамматикѣ своей (*Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris*, 1822) онъ приложилъ краткое обзорніе рукописей, которыми пользовался для своего труда, и *Specimina e codicibus* съ вариантами, соблюдая въ нихъ подлинныя буквы въ букву. Изслѣдованія его о *Кириллѣ* и *Меодіи* (выше означенное въ Русскомъ переводѣ) имѣетъ также нѣкоторое палеографическое значеніе.

По слѣдамъ его пошли прежде другихъ два изъ лучшихъ учениковъ его, *Конитаръ* и *Гампа*.

Б. Конитаръ особенно прославился книгой, которую издалъ въ 1836 г. подъ названіемъ *Glagolita Clozianus, id est, codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi λαίψων, servatum in bibliotheca i. c. P. S. S. Tridentini*. Это одно изъ тѣхъ изданій памятниковъ, которыя нельзя не назвать образцовыми. Палеографъ находитъ здѣсь не толь-

ко самый памятникъ 1) буква въ букву и строка въ строку съ описаніемъ его, 2) въ чтеніи, 3) въ текстѣ Греческомъ, 4) въ Латинскомъ переводѣ, 5) со снимкомъ и съ объяснительными къ нему примѣчаніями, но вмѣстѣ и изслѣдованія филолого-палеографическаго направленія о древней письменности Славянской съ выписками изъ разныхъ памятниковъ, годными для палеографа. Другой трудъ его «Nesuchi Glossographi discipulus» (1839) особенно важенъ по добавочнымъ статьямъ, гдѣ представлены свѣдѣнія о древнихъ памятникахъ Славянскихъ, оставшихся дотолѣ неизвѣстными.

В. Ганка, которому Чехи обязаны первыми изданіями большей части древнихъ памятниковъ Чешскаго языка и перенесеніемъ нѣкоторыхъ трудовъ Добровскаго съ прибавленіями, доказавъ еще въ 1819 г., что ему извѣстны требованія филолого-палеографическія, въ первомъ изданіи такъ-называемой Краледворской рукописи: она напечатана имъ буква въ букву, какъ онъ прочелъ, только съ раздѣленіемъ на стихи. Онъ выдалъ и два Старославянскихъ памятника: 1) Сазаво-Еммаусское святое благоустройство имѣя же Ремское (1846) и 2) Остромирово Евангеліе (1853). Второе важно только какъ общедоступная перепечатка древняго евангельскаго текста съ изданія Востова, въ сожалѣнію, съ нѣкоторыми произвольными отклоненіями отъ подлинника. Первое же, какъ вѣрная передача текста по снимку, сравнительно съ Остромировымъ Евангеліемъ, съ очень любопытнымъ введеніемъ, должно быть считаемо въ числѣ изданій важнѣйшихъ.

Рядомъ съ Ганкою нельзя не вспомнить о трудахъ другаго Чешскаго ученаго, въ одно время съ нимъ дѣйствовавшаго, *П. Шафарика*. Первые занятія его, которыя могли имѣть палеографическій смыслъ, были посвящены памятникамъ Сербскимъ. Обзоръ Сербскихъ памятниковъ, имъ изслѣдованныхъ или замѣченныхъ, издалъ имъ еще въ 1831 г. (*Wiener Jahrbücher der Litteratur* 53 ч. Anz. bl.); а изслѣдованіе объ особенностяхъ древняго Сербскаго языка по памятникамъ, подъ названіемъ *Serbische Lesekörner* въ 1833 г. Приложенныя къ этой книгѣ отрывки изъ памятниковъ изданы не вполне палеографически, тѣмъ не менѣе съ нѣкоторымъ соблюденіемъ правописанія. Несравненно важнѣе и для палеографіи и для филологіи—позже изданная имъ вмѣстѣ съ *Ф. Палацкимъ* книга «*Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache*» (Prag, 1840). Въ ней находится критическое изданіе древней Чешской пѣсни о судѣ Любуши и Згорѣльскаго отрывка изъ Евангелія, съ приложеніемъ полныхъ снимковъ, чтенія, объясненій, грамматическаго разбора, словаря и палеографиче-

саго изслѣдованія о подлинности этихъ памятниковъ. Изъ сожалѣнiю, только въ этой книгѣ, да еще въ позже изданныхъ глаголическихъ отрывкахъ (*Glagolische fragmente, herausgegeben von Dr. Höfer und Dr. P. J. Šafarik. Prag, 1857*), Шафарикъ держался правилъ, вторыхъ соблюденiя можетъ желать и филологъ, и археологъ, и палеографъ. Въ другихъ изданiяхъ онъ обходился съ издаваемымъ текстомъ болѣе или менѣе свободно. Печаталъ не текстъ, а свое чтенiе, измѣняя списки, на сколько находилъ это нужнымъ. Такъ имъ изданы и *Ramátky pisemniství Jhneslovannu* (Изборъ Славянскихъ документовъ. Praha 1861) и *Ramátky Hlagolského pisemniství* (Прага, 1853). Въ послѣдней книгѣ важенъ изслѣдованiя о древности глаголицы съ разборомъ самой азбуки, но и они важны не столько по строгимъ научнымъ приемамъ, сколько по начитанности сочинителя и остроумнымъ диалектическимъ приемамъ.

Не такого произвола держался *Николавичъ* (Серб. свящ.), приготавливая къ изданiю свой обширный сборникъ Сербскихъ грамотъ; во его печатанiе пошалося, въ сожалѣнiю, въ такiя руки, которыми не могли исполнить его намѣренiя, и «Сербски споменици» его собранiя изданы въ Вѣнградѣ въ 1840 г. очень небрежно.

Не допускалъ произвола въ чтенiи д-ръ *Мажураничъ* въ изданiи Винодолскаго закона, 1280 г., сохранившагося въ древнемъ глаголическомъ спискѣ: см. Колю. 1843, книг. 3, гдѣ представлень этотъ важный памятникъ буква въ букву и строка въ строку съ листкомъ снимка, съ чтенiемъ, съ объясненiями и разборомъ.

Такого же направленiя держалось иногда въ своихъ изданiяхъ памятниковъ и *Общество словесности*, основанное въ Вѣнградѣ въ 1847 г., и еще болѣе *Общество Югославянской Исторiи*, основанное въ Загребѣ въ 1850 г. Въ *Гласникъ* перваго и въ *Архивъ* втораго, есть образцы разработкы памятниковъ всякаго рода со снимками и съ рисунками.

Тѣмъ не менѣе, ни то, ни другое общество не держалось правилъ палеографическаго изданiя памятниковъ съ постоянствомъ, даже при первомъ ихъ обнародованiи: то и другое давало мѣсто и чтенiямъ, составленнымъ произвольно. Изъ числа членовъ перваго, особенно достоинъ воспоминанiя и признательности д-ръ *Я. Шафарикъ*, изслѣдователь монетъ югославянскихъ и архивовъ. Изъ числа членовъ втораго особенно замѣчательнъ *Я. Кукулевичъ-Сакцинскiй*, редакторъ *Архивъ*.

Произволь въ изданiи памятниковъ былъ тѣмъ возможнѣе, что

и главный внѣшній представитель Славянской филологіи на западѣ, профессоръ и академикъ *Ф. Миклошичъ*, имѣя въ виду читателей изъ ученаго круга, издавалъ памятники большею частью не палеографически. Такъ, въ 1851 г. издалъ онъ Monumenta linguae Palaeo-Slovenicae e codice Suprasliensi (Супрасльскую рукопись XI в.), хотя и со снимкомъ, но въ чтеніи, съ соблюденіемъ только нѣкоторыхъ особенностей правописанія подлинника. Такъ изданъ былъ имъ въ 1853 г. и Apostolus e codice Monasterii Siſatovac palaeoslovenice (тоже со снимкомъ). Такъ изданы имъ въ 1858 г. и Monumenta Serbica spectantia historiam Serbiae Bosnae, Ragusii (грамоты). Въ 1860 издалъ онъ Повѣсть временныхъ лѣтъ, подъ названіемъ „Chronica Nestoris textum Russico-Slovenicum“, еще страннѣе: чтеніе взято почти исключительно изъ перваго тома Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей, а въ языгѣ допущены разнаго рода произвольныя перемѣны, въ слѣдствіе убѣжденія, что Русскій лѣтописецъ писалъ свою лѣтопись на нарѣчій Старо-славянскомъ. Одно только изданіе д-ра *Миклошича* имѣетъ палеографическую цѣнность: это статья Zim Glagolita Sclavianum (1860), въ которой помѣщенъ вѣсть найденный листокъ сборника, изданнаго Копитаромъ: подлинникъ напечатанъ буква въ букву и строка въ строку.

Не мудрено, что большаго или меньшаго произвола стали дѣлаться, какъ обычая, и другіе Славянскіе издатели памятниковъ: такъ, въ 1863 г. вышелъ огромный томъ сборника, предпринятаго *Кукелевичемъ-Сакцинскимъ*, подъ названіемъ Monumenta historica Slavorum meridionalium, заключающій въ себѣ Acta Croatica. Большая часть авторовъ, между прочимъ и очень древнихъ, частью по подлинникамъ, частью по спискамъ, изданы въ чтеніи съ произвольнымъ сохраненіемъ написанія подлинника и безъ всякихъ снимковъ и описаній. Такъ и въ 1865 г. издано др-мъ *Рачкимъ* Ватиканское глаголическое Евангеліе, одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ глаголицы (Apostolus ili Vatikanski evangelistar), хоть и съ прекраснымъ введеніемъ д-ра *Яича*, но съ дурнымъ снимкомъ и съ произвольными отклоненіями отъ подлиннаго текста, тогда какъ изданіе до буквы вѣрно одно только и могло бы имѣть цѣнность.

Изъ сказаннаго выше ясно, что труды нашихъ западныхъ современниковъ, вообще если не хуже, то по крайней мѣрѣ не лучше нашихъ по отношенію въ научнымъ требованіямъ. Еще нѣсколько словъ объ участіи французскаго палеографа *Сильвестра*. Въ огромномъ его произведеніи, изданномъ подъ названіемъ Paléographie universelle

(1841), есть, между прочимъ, нѣсколько листовъ снимковъ съ рукописей кирилловскихъ и глаголическихъ (16 снимковъ въ концѣ IV тома), изъяснено и довольно вѣрно сдѣланныхъ, но выбранныхъ совершенно случайно и объясненныхъ очень неудачно. Гораздо важнѣе его изданіе Реймскаго Евангелія (*Evangelia Slavice vulgo texte du Sacre. 1843*), какъ первый опытъ полнаго снимка всей книги, съ немногими ошибками. Второе изданіе этого же снимка вышло подъ названіемъ *Evangeliaire Slave dit Texte du Sacre de la bibliothèque de Reims* въ 1852 г. Тутъ помѣщены: *Notice bibliographique* Л. Пари, *Prolegomena historica* В. Конитара, и при каждой страницѣ Славянскаго текста, Латинскій текстъ. *Говоря о Сильвестрѣ, совѣстно не вспомнить и о французскомъ трудѣ Русскаго иезуита, И. Мартынова: Les manuscrits Slaves de la bibliothèque Impériale de Paris* (1858 г.). Это обзоріе рукописей съ означеніемъ содержанія и со снимками.

Игнѣя подъ руками все означенное выше, изслѣдователь древности Славяно-русской владѣеть довольно разнообразнымъ и богатымъ палеографическимъ матеріаломъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ множествомъ отдѣльныхъ частныхъ соображеній и выводовъ. Тѣмъ не менѣе, довольствоваться изданнымъ онъ не долженъ: это только пособіе, вызывающія его на собственный трудъ — на трудъ собранія новыхъ матеріаловъ, отысканія данныхъ для объясненія памятниковъ и соображенія наблюдений для вѣрныхъ выводовъ.

Главное еще впереди: частныя изслѣдованія и соображенія должны быть сведены въ общіе выводы, которые бы окончательно рѣшили вопросы — о началѣ письменности у Славянъ вообще и въ Руси въ особенности, о взаимномъ отношеніи, касательно древности, двухъ главныхъ азбукъ, кириллицы и глаголицы, о видоизмѣненіяхъ письма у Славянъ югозападныхъ и Русскихъ по времени и по разнымъ мѣстностямъ, объ отличіяхъ памятниковъ письменности разныхъ вѣковъ, и т. д. Будемъ надѣяться, что любовь къ изученію отечественной древности, все болѣе распространяющаяся и все болѣе вызывающая строгую требовательность въ научныхъ работахъ, поможетъ нашимъ успѣхамъ и въ этомъ невидномъ, но важномъ трудѣ изслѣдованій.

И. Среаневскій.